Надежда Середина

Благодатная любовь

Рассказы и повести

Надежда Митрофановна Середина
Благодатная любовь

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74755541
Благодатная любовь: рассказы, повести. / Середина Н.М.: У Никитских ворот; Москва; 2026
ISBN 978-5-00246-749-5

Аннотация

Название новой книги Надежды Серединой «Благодатная любовь» говорит само за себя: это проза о великом и загадочном чувстве в самых разных его проявлениях.

Повесть «Высшие курсы» – о судьбах молодых провинциалок, оказавшихся в мегаполисе. Они спешат охватить всё в этом огромном пространстве, словно боятся не успеть. В центре внимания – мимолётные встречи, атмосфера московской богемы и то, как люди ощущают время в большом городе. Через тонкие психологические детали и бытовые зарисовки автор показывает, как в череде будничных событий зарождается и раскрывается чувство любви к Москве и москвичам, а город становится не просто фоном, а почти самостоятельным героем истории.

В повести «Студенты» характерно внимание к деталям и подтексту: иногда ключевые мотивы остаются не проговоренными прямо, а лишь угадываются в поступках героев или в особой атмосфере текста. Тема любви здесь служит инструментом для

глубокого психологического анализа и размышлений о природе человеческих отношений, о поиске смысла, о своей роли в жизни.

«На даче» – это современная увлекательная повесть о первой любви и непростых отношениях в семье и школе. Драматизм переживаний юных героев достигает шекспировского накала: их чувства – такие же острые и всепоглощающие, как у Ромео и Джульетты.

«Марсианское яблоко» – повесть с элементами детектива. Оставшись один, герой всеми силами пытается сохранить в себе человека и не теряет надежды на возвращение к людям. Юмор, присущий автору, вносит в стиль лёгкость и непредсказуемость.

Рассказы Надежды Серединой о любви – это искренние истории о том, как чувство проявляется в простых, повседневных вещах: в случайном взгляде, долгом молчании, готовности услышать другого. Автор избегает пафоса и громких слов, делая акцент на внутреннем мире героев. В её прозе любовь – не только романтика, но и труд, выбор, иногда – горькое прощание. Эти рассказы помогают разглядеть красоту и драматизм человеческих отношений в самых обычных обстоятельствах.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Содержание

Рассказы 6
Таинство любви 6
Фарфоровый попугай 53
Дикие утки 73
Запах смолы 96
Степная любовь 104
Конец ознакомительного фрагмента. 122

Надежда Середина
Благодатная любовь

В оформлении обложки использована репродукция картины Микеланджело Меризи да Караваджо «Корзина с фруктами»

У НИКИТСКИХ ВОРОТ

© Середина Н.М., 2026
© Оформление. Издательство «У Никитских ворот», 2026

Рассказы

Таинство любви

В воскресенье в греческом приделе монахи и священники мирно сидели вдоль стены. Учительнице это всё напоминало музейный зал в Третьяковской галерее, и она, иногда не верила в ту реальность, которая происходила вокруг неё сейчас.

Вот она узнала монаха братства Гроба Господня с Голгофы и спросила, передал ли он книгу монаху-питерцу.

Монах встал, приложил руку к бороде и спокойно уверил: «Да». Борода у него была большая, с хорошую совковую лопату, и чёрно-угольная.

И вдруг она спросила с трепещущей надеждой:

– Вы хотите говорить по-русски? – может, и здесь она найдёт учеников.

Монах поднял глаза: перед ним большие сине-серые глаза, правильный овал, русые волосы под белым платочком. Русская Россия?

– Да! – Высокий монах с Голгофы просиял, словно луч радостного света пробежал по его лицу, и борода засверкала антрацитом.

Она дала ему свой номер телефона.

На следующий день она наблюдала, как высокий монах поправляет фитили в лампадках. И хотя он рослый, но ему нужно вставать на лестницу. Потом он начал давать свечи, и паломники подступили к нему. Альпиде надо было поговорить с ним, но куда в такой толпе. Альпиде он напоминает картину из Третьяковской галереи…

На Голгофу поднимается греческий монах: он только что освятил Кувуклию и плиту Миропомазания. Голубь взлетает к куполу храма. Тёплым стал поручень перил от рук паломников, которые преодолевают каменные ступени. Скоро Рождество. Запах кадильного дыма. Свет от свеч, словно живое воплощение. В седой от времени скале – морщиной земной зияет трещина, – там кровь, искупившая грехи, просочилась живой водой до черепа Адама. Греческий монах подошёл к месту, где прибивали Христа ко Кресту. Народ, как одно тело, сторонится вправо. Вот освящается место деления риз. Раскачивается кадило, как маятник вечных часов. Потом монах медленно, греки не любят суетиться, спускается по лестнице справа и подходит к камню Миропомазания.

Вторым быстро подошёл к лестнице и устремился на Голгофу монах-армянин в багровом убранстве. Освящает Престол, место прибивания ко Кресту, место деления риз.

Третьим стремительно, как голубь, взлетает копт в чёрной шапочке, на которой изображены двенадцать белых крестиков. Быстро машет кадилом и устремляется вниз.

Время то замедляется, когда грек неторопливо машет ка-

дилом, и словно течёт вспять; то стремительно набирает скорость и несётся.

Паломники вернулись на свои места в очереди, они говорят вполголоса и молятся молча, производя какой-то странный, храмовый, словно тысячелетний гул наречий.

– Некоторые историки религий считают, что Честная Риза Господа – это нешвейный Хитон, – рассказывает Марк.

– Можно погромче? – голос из толпы.

– Прочитаем в Священном Писании: «Воины же, когда распяли Иисуса, взяли одежды Его и разделили на четыре части, каждому воину по части, и хитон…» Хитон и ризы из Иерусалима вывозились. Персидский шах передал ризу русскому царю Михаилу Фёдоровичу, которую после завоевания Грузии обрёл у митрополита в кресте. – Марк-гид живёт в Иерусалиме почти двадцать лет и каждый год собирается съездить в родное Подмосковье.

Монах сидел в деревянном кресле, положив ладонь на чёрную взлохмаченную бороду, словно так общаться легче с мирянами. И Альпида, пересилив робость, подошла.

Он приложил к глазу мирянки ладанку, словно чеховское пенсне, а потом дал понюхать. Ладанка старинная, необыкновенной работы, но почти пустая, – ладана в ней оказалось совсем мало, как успела заметить женщина.

Она брала книгу в греческой епархии и теперь попросила монаха передать эту книгу архимандриту, который учился в Питере и любил помогать русским на Святой земле.

Рядом оказался Марк-экскурсовод и, как знаток-коллекционер, разглядывал ладанку.

Перед живоносным Крестом – два огромных подсвечника. Учительница зажигает свечи и ставит в песок. Святой огонь не гасится и будет гореть в Храме Гроба Господня до схождения нового огня.

Утром начались занятия: ему хотелось говорить по-русски. И ей нужно было научить его, пока не закончилась её виза. Но оказалось, что греки утратили некоторые русские звуки. И что бы учительница ни делала, русские существительные не хотели склоняться по-гречески, а греческие глаголы – спрягаться по-русски.

Монах не удивлялся её нетерпению: в миру люди спешат прожить свою жизнь поскорее, словно чужую.

Альпиде казалось: применив педагогическую строгость, она поможет ему быстрее освоить смешанные спряжения.

И он, потупив взор, прикладывал большую руку к бороде и надавливал, успокаивая в себе что-то взлохмаченное.

В номере хостела было очень тесно, но очень светло, так как две стены были почти полностью из стекла. Уроки чистописания. Её детская рука и его широкая выводили по очереди русские буквы. Тетрадь лежала у него на коленях. Она очень хотела, старалась, чтобы он говорил на её языке правильно, и писала, превращая тетрадь в учебник. И спокойнее вглядывалась, как он укладывал свою бороду, не торопясь: эти чувствующие волосы перестали пугать её.

Каждый раз, проходя по старому городу, Альпида, слушая легенды Марка-экскурсовода, записывала важное, пригодится, когда станет опять преподавать. Ей казалось здесь всё огромной киносъёмочной площадкой.

Однажды монах на Голгофе захотел дотронуться до её руки, но она по-женски, инстинктивно, убрала руку.

Он смутился. И дал ей недогоревшую свечу с подсвечника у Креста Господня. Свеча была ещё тёплой и пахла мёдом, лесом, воском и ещё чем-то чистым, может, небесным дождём, который прошёл и смыл всю грязь с Земли.

…Он звонил по телефону вечером, стоя у её двери.

– Я монах из храма. Я иду. Я буду.

И стучал в дверь.

– Я пришёл.

Она смеялась.

– Да?

– Да. Я пришёл. Я иду здесь.

Высокий, сажень в плечах, он занимал собой почти полкомнаты. Он прикладывал руку к губам, к бороде, к груди, словно прокладывал дорогу словам. Она смотрела на него, и он, казалось ей, вот сошёл к ней с Афона, как Пётр Святогорец. И время её внутренней жизни расширилось до глубин восьмого века. Сегодня принёс апельсины. Это были самые сладкие плоды, быть может, из райского сада мирозданья, до которого отсюда пятнадцать минут пешком.

– Я хочу ехать Россия.

– Когда? – Она взяла золотистый апельсин, потом провела пальцами по своей золотой цепочке, поправив серебряный крестик.

– Потом… – Он следил за её детскими пальцами, потом глянул на лицо, и оно опять его поразило своими большими глазами на правильном овале – русской России. – Летом.

Она занималась с ним каждый день, и на обед всегда было что-нибудь вкусное в её скромном номере хостела. А вот буквы «пережёвывались» трудно.

Капризнее всего была буква «Ы».

– «Ы…» – повторил он, а получилась «И».

– Мы будем говорить по-русски.

– Ми, – получалось у него вместо «мы».

Это смешило её: «Бить» вместо «быть».

– Я бил здесь вчера.

– Кого?

Он купил коричневую тетрадь, цвета глиняных табличек. И просил писать крупными печатными буквами.

– Не так, не так! – махал он руками, как ребёнок-дошкольник, если буквы являлись прописные.

Она писала заглавными печатными буквами примеры.

Он требовал, чтобы печатные буквы были как напечатанные, аккуратные, красивые и похожие каждая на себя, как в типографии. У неё был размашистый, броский почерк, и приходилось стараться, точно на чистописании.

– «Ы» – звук-медведь, грубый.

– «Ы-Ы-Ы…» – он взглянул в её лицо и опять увидел Россию, какой он себе её представлял. Русские светлее европейцев, у неё даже брови русые.

Он принёс кагор, свадебный, фанагорийский, терпкий, с ароматом чайного листа.

– Пасха, – сказал он и перекрестился, словно Пасха уже наступила.

– Ты будешь чай или кофе? – Белый шёлковый платочек упал с русой, золотящейся головки на плечи.

Он подумал, что ей лет тридцать пять, и что-то случилось там, в России, и она приехала просить помощи.

– Я пью сок, – как-то по-особенному не строго, но отрешённо ответил.

На восточных улочках вечный базар: сладости, фрукты, украшения – ковёр из цветов дивных красок.

Вот пробежали в больших чёрных шляпах два ортодоксальных иудея через арабский квартал.

Небо над старым городом удивительное, как у Сарьяна. Два красных пятна крыш раздвигают пространство до Елеона.

А ночью небо в густом аквамарине такое низкое, что звёзды дарят каждому свою путеводную нить, проникая и в окна-стены хостела, и в арабские глубокие окна в древних каменных стенах. И кошка, вытянутая до змеи в своём прыжке, как из другой реальности – до новой эры.

Ночью в арабском хостеле и на верхнем этаже холодно. В

полстены окно на восток и во всю стену – другое.

И ветер ищет кого-то, сквозит во все щели. Но вдруг открылась дверь, и кто-то неслышно вошёл. Остановился. И стал рассматривать её лицо. Сердце стучало всё громче.

– Кто? – со страхом встала, готовая к самозащите.

Стена-окно. Одеяло на полу, совсем близко от раскалённых спиралей старого советского электрического обогревателя. Трюмо не было, но ночью в окна можно смотреться, как в зеркало. Холод, как на Синае. Впервые выжимала там она свой пот. Если бы Моисей явился, то и он бы похвалил её за волю. Но что это? Высокий монах с Голгофы был похож на Моисея? Ветер на всём горном свете. И звёзды на вершинах. И нешлифованный гранит. Ночь, камни, дыхание верблюдов. Магнит в той горе? И Сфинкс безмолвно взирает, как восходишь к самому себе, всё выше.

Утром восходит солнце над Иерусалимом по-особенному. И опять весна – всю зиму весна. С молитвой муэдзина – начало рассвета.

В комнатке был белый пластиковый стул, как в летнем открытом кафе. Грек садился на стул, она сидела на кровати.

Он удивлялся, когда приходил к русской учительнице:

– Учительница. Стол нет? – и он доставал из широкого кармана маленькую круглую баночку мёда.

Она смотрела на него с удивлением: поношенная, просторная и длинная до пят ряса с широкими рукавами.

Он читал в её глазах, что её такая скромная жизнь, быть

может, – это её своего рода монашество. Учительница на пальцах изображала шумерское колесо? Или клубок Ариадны?

Он кивал бородой, весело светились глаза, словно он нашел выход из лабиринта серебряной паутины размотавшегося клубка.

Мёд, который он принёс, был смешан с пергой, маточным молочком и ещё с чем-то необыкновенным. Запах от мёда расходился над горячим чаем, как миро из золотой ладанки.

Он зачем-то приставлял открытую ладанку к её глазу.

В понедельник ученик не пришёл.

Араб-смотритель гостиницы спросил негромко, когда Альпида шла к Амель:

– Систа, ОК?

– ОК, – ответила она.

Альпида пожаловалась соседке Амель, ожидая, когда поднимется пенка арабского кофе – Он не пришёл. Мне всё кажется, что я здесь – это сон. А они все из картинной галереи.

– Будь проще, позвони своему большому Тезею, – улыбнулась Амель-киевлянка, диагностируя опытным глазом врача по сердечным заболеваниям нечто другое, во всяком случае, не уроки русского. – И спроси его. Он живой, а не из «Портрета» Гоголя.

– Не могу.

– Почему?

– Он монах из Храма, – что-то смущало москвичку Аль-

пиду.

– Он не всегда был монахом, – дотронулась паломница-врач до шеи подруги. – Что это у тебя? Крестик серебряный. А цепочка почему золотая? Цепочка дороже крестика?

– Денег не хватило.

Над уроками врач шутила, наслаждаясь запахом арабского кофе:

– У них другие понятия. По-гречески любовь, вера и надежда…

– «Другие» что?

– Руководящее начало… – Амель улыбалась, словно гипнотизировала. – У них вера сильнее любви. И они синтезируют впечатления.

– Что? – не соглашалась учительница. – Вера не может быть сильнее любви!

– Почему?

– Вера и есть любовь!

– Греки – христиане с 335 года. А мы? – примирительно улыбнулась. – Мы их ученики. А ты вообразила себя учительницей, а его – учеником. Ты ведь не Альпида, а простая русская Надежда.

– А ты?

– Я Соня, София. Мудрость. При постриге меняют имя, но оно должно начинаться на ту же букву, что и мирское. А ты хочешь?

– Что?

– Может быть, он Пётр был? Сколько ему лет в реальной жизни: сорок или пятьдесят? Почему он стал монахом? Он же такой огромный, мужик! Руки пахаря, лоб Сократа, с оливковым оттенком кожа. Он с Афона, грек. Ещё в V веке до рождества Христова греки туда перебрались из Халкидии. Вам, русским, ещё полторы тысячи лет потребовалось, чтобы креститься. Там сам Александр Македонский хотел высечь из горы Афон огромную статую, а в руке чтобы была чаша…

– Мне не верится, что это не сон, а жизнь.

– Картина оживёт, как только ты его перестанешь бояться. Монахи тоже люди.

Паломницы из Москвы и из Киева жили как сёстры, вместе ходили в Кафедральный собор, где служат греки. Это был 2015. Амель в украинском, расшитом яркими красками платке, Альпида – в белом шёлковом. В греческом храме стулья с подлокотниками, можно расслабиться, если очень устали.

…После службы условились идти к русскоговорящему греку. У архимандрита Амель взяла сковороду, как хозяйственная украинка. Она с воюющей Родины. Здесь, в Иерусалиме, врач-кардиолог подрабатывала четыре часа в ресторане посудомойкой за сорок шекелей, объясняла, словно извиняясь: «Копеечку надо заработать». Двести пятьдесят шекелей в неделю за кровать и электрическую плитку, над которой то сверкало, то запотевало зеркало, когда они с Альпи-

дой разогревали ужин, который им давали в трапезной греков. Амель вспоминает:

– Как ваше сердце? – кардиолог слушает пульс архимандрита.

– А разве я схож с мёртвым? – Доброта светится в его лице.

– Вы сделали кардиограмму? Обещали. Спасибо за сковороду: знаете, это как «дары волхвов» у О'Генри, – улыбнулась Амель (мог же знать писатель, рождённый в Северной Каролине, о Вифлеемских дарах волхвов с Востока).

В Иерусалиме время не идёт, а летит. И все летят вместе со временем в загадочную неизвестность будущего.

Промелькнуло три дня.

Ученик-монах опаздывал, Альпида позвонила.

– Я монах из Храма.

– Сегодня урок русского языка. Тема – глаголы. – И в её душе наступал такой покой, который она называла там, в русской школе, гармонией.

– Я живу в храме. Я иду. Два и цать минут ждать.

Он принёс веточку неопалимой купины, но не выучил спряжения неправильных глаголов.

– Сколько вам лет? – вдруг спросил он без всякого акцента.

Она не ответила, отвела глаза. Что за искушение?

– Почему вы приехали на Голгофу? – как-то сакрально спросил он.

Она не сразу приподняла лицо – сверкнули слезинки. Глаза её по-русски распахнуты, и ни одна складочка не прикрывала эти сверкающие, сдерживаемые в уголках глаз слёзы.

– Есть рыба. Там.

– Рыба? – Она вспомнила притчу евангельскую о ловле рыбы: «трудились всю ночь и ничего не поймали».

– Там есть рыба. Я принесу. Я могу. Хочешь?

И она увидела притчу, словно наяву, и хотела сказать: «выйди от меня… потому что я человек грешный». Но ничего не сказала, а только с какой-то невыносимо грустной любовью посмотрела на него.

– Можно? – опять спросил монах, рассматривая русоволосого бледнолицего пришельца с северной стороны Земли, и словно сам, преодолевая внешнее пространство, прикоснулся к этой русской земле.

– Можно, – повторила за ним.

Каждый день что-то притягивало молодую женщину в храм. Альпиде нравится слушать гидов и изучать языки, разговаривать с народом на их наречии. Она уже пробует проводить экскурсии по Иерусалиму.

Заканчивался пост, приближался праздник. И с утра до вечера десятки раз Марк-экскурсовод поднимался с паломниками на Голгофу.

– Справа от креста – Иоанн Богослов. – Марк подбирает слова, чтобы удивить приезжих. – В то время, чтобы показать красоту мужчины, писали его с женским лицом.

Русские женщины-паломницы в белых платочках благоговейно слушают и смотрят, широко открывая глаза, чтобы, один раз увидев, запомнить навсегда.

– С другой стороны вы видите Деву Марию… Представьте то время – две тысячи лет назад… – Показывает гид паломницам в белых платочках.

Альпида слушает вместе с женщинами из России, а те в платочках белоснежных и говорят шёпотом, словно стесняются.

Днём Альпида среди паломников, а вечером ждёт ученика-монаха на занятие. Он не пришёл. Она обижалась, хотя понимала, что обижаться нельзя на монаха: он не принадлежит ни ей, ни себе, ни даже тем урокам, которые она проводила. Он монах из Храма. Она думала о потерянном времени, и это её раздражало. Она даже на молитве думала об уроках. Это выводило из равновесия. Альпида роптала, но привязанность к нему не покидала её, и это странное чувство было не похоже на ту любовь, которую она знала раньше.

И, видя её, араб-смотритель, играя чёрными глазами, спросил громко:

– Систа, ОК? О нот?

Она ничего не ответила, поправляя белый шёлковый платок.

Снизу ветер принёс дымок от шашлыков, жареной баранины.

И опять вечер. Альпида исповедует свою тоску по любви

доброй подруге Амель.

– Я не знаю, что делать. – Учительница смотрела на врача, словно та может уврачевать её.

– Кто из нас учитель: ты или я? – улыбнулась интригующе Амель. – Он опускает глаза, когда я смотрю на него. А они такие чистые! – И, делая салат из фруктов, рассказывала со здоровым базаровским цинизмом, словно по программе ЕГЭ (Тургеневу бы и не приснилось такое обучение): – Один молодой монах не удержался и привёл в келью девушку. Другой монах увидел и доложил игумену. Игумен приходит: «Где девушка?» Старый монах, сидя на сундуке у молодого монаха: «Где, какая девушка? Мы сидим, разговариваем». Когда игумен ушёл, старый монах встал, открыл крышку, выпустил девушку. Монахи друг друга не выдают: у них другие понятия.

– Понятия меняются. Иногда кардинально.

– А у тебя, я вижу, картинки превратились в живое чувство жизни.

Ночью прорезала окна молния, гром играл на небесном органе, быть может, Баха… Альпида фантазировала, и страх не одолел её. И подумала: а как же бедуины на горе Синай? Там Моисей пас стада?

Ветер воет так же, как в Москве зимой.

Ученик не пришёл. Она звонила вчера. Он сказал: «Завтра». А сегодня уже «завтра», а он не пришёл. Дождь тропический вторую ночь.

После литургии учительница спросила у архимандрита-питерца:

– Где мой ученик?

Молчание.

Но Альпида ждала своего нового ученика и готовила ему подарок.

Погода в Иерусалиме весенняя, всю зиму то ранняя весна, то поздняя осень.

Наступил праздник. Высокий монах пришёл в арабский хостел. Поднялся на последний этаж, где жила русская учительница.

Он вынул золотой крестик и попросил снять её серебряный крестик с цепочки. Но золотой цепочки не было. А была простая тонкая нить-тесьма, похожая на шнурок.

– Я продала золотую цепочку и купила самый лучший ладан. – Она протянула ему ладан и попросила дать старинную ладанку.

Величие души покорило его. Он встал, почти касаясь плечами стеклянных стен. И, приложив руку к бороде, улыбался, как не улыбался ни один счастливый.

Как объяснить ей, что он обменял золотую ладанку и купил золотой крестик для её золотой цепочки?

Она поцеловала его руку.

Он изумился. У греков даже при миропомазании руку не целуют.

Всю ночь в огромное окно заглядывали звёзды: путеводная, та, что освещала путь и Доротее, которая мечтала встретить мужчину умнее и красивее себя. Звёзды, которые возвестили о рождении Мессии.

Утром араб-смотритель нанизывает фразы, будто мясо на шампур:

– Систа, ОК?

– Что? – спросила его по-русски женщина. – Что тебе надо? Я заплатила за номер до конца визы. Оставь меня!

И быстро понеслась в Храм.

На Голгофе у места деления риз к высокому монаху подошёл юркий завистливый маленький казначей, которого одаривали дорогими дарами богатые паломники.

– Где моя ладанка? – смотрел на монаха казначей грозно, как Минотавр. – Где ладанка?

Монах молчал.

Дни и ночи вращается Земля вокруг своей оси, как монахи в храме, не отдаляясь от святого места. Солнце всё выше поднимается над куполом, дни становятся длиннее. Альпида и Амель каждый день ходили в Храм, поднимались на Голгофу, прикладывались к Кресту, наклонялись и, просунув руку, дотрагивались до шершавой поверхности камня – горы Голгофы, на которой стоял Крест.

На Голгофе уже служил другой монах. Высокий монах исчез.

И Альпида возвращалась в хостел грустная.

Врач шутила:

– Ты же искала того, кто умнее, красивее и знатнее тебя.

– Я так не говорила!

– Тебе надо съездить в монастырь Святой Екатерины на Синае и продлить визу на три месяца.

И опять араб-смотритель встал перед женщинами на крутых каменных древних ступенях хостела:

– Систез, ОК?

Альпида отвернулась.

– Гуд, – засмеялась врач, с любопытством разглядывая чёрные глаза араба. (Она изучала немецкий и никогда на нём больше одного слова не говорила.) – Гуд-гуд, хорошо.

Женщины-паломницы уходили утром, а возвращались вечером – спать. Как спрашивал арабский мальчик: «Где вы спите», а не «Где вы живёте». Они живут под солнцем и под звёздами, здесь вечное лето. И не так важно, что в номере нет стола, а ширина комнаты в ширину плеч.

Греков было много, они похожи друг на друга, но никто не был похож на высокого монаха из Храма, который подарил веточку неопалимой купины, крестик и ещё что-то, что невозможно передать словами, сколько бы вы языков не изучали. Может, любовь? Вероятно, в этом и есть тайна живой веры – вечная тайна даров волхвов – живая любовь Христа. Монахи знают больше того, что знают?

Альпида искала его даже на Синае в монастыре Святой Екатерины.

В дни своего паломничества вела она записки путешественника, и вот они перед ней, в начале было доброе слово. И в конце тоже было слово, не очень доброе. Душа человека в словах его отражается. Человек за словом в карман не лезет, оно словно птица, летает где хочет.

Гора Синай, по-арабски Джабал-Муса, возвышается над Синайским полуостровом в Египте от Сотворения мира.

Днём Альпида должна перейти границу из Израиля в Египет. Ночь настигла неожиданно.

Вот приехала группа туристов, выстроились.

– Где ваша туристическая карта? – спросил гид, сопровождающий туристов. – Да. Да! Жёлтая! Такая!

– Карты жёлтой такой, как у всех в очереди, нет.

– Отходите.

Она отошла. И стала наблюдать, записывать всё, что видит. То ей казалось, что это происходит с ней, то с кем-то другим.

* * *

Смотрю. Понять бы, что дальше делать. Если очередь есть, значит, там что-то нужное и важное – из советского периода. Раньше сидели на скамейках и общались; стояли в очередях и общались.

Подошёл молодой сопровождающий в военной выправке и отвёл меня в угол. Наказание или помощь? Смотрю на

него, ничего не спрашиваю.

– Ты одна?

– Одна.

– Куда едешь?

– В монастырь.

– Сиди здесь.

Сижу. Пьют кофе арабский, струится аромат. Я не пила, не ела с утра. В сумке вода, но её надо беречь. Ночь. Наконец сажают в автобус. Первое место. Жаль, что ночь: не видно, куда еду.

– Там горы… – делюсь своими тревожными впечатлениями с соседом. – Там заповедь дана была «Не убий».

– Ты кого-нибудь убила?

– Нет.

– Там война. Там смерть.

– Зачем война? Зачем убивать? Вот везде место есть. – Она говорила точно во сне, словно не веря, что она едет на гору Синай. Может быть, там её монах из Иерусалима?

– Это не приключения, а обиды, – заметил лениво турист из египетского отеля, пытаясь заснуть рядом со мной, ему ехать ещё три часа.

– Иерусалим понравился? – не даю ему заснуть. – Мне на гору Моисея. Там мощи Святой Екатерины. Там Бог говорил с Моисеем.

– Ты думаешь, Бог будет говорить с тобой?

Альпида пожала плечами и промолчала.

– Там не стреляют? – удивился загорелый под солнцем Египта мужчина. – Страх потеряла?

– Заповедь шестая. Не убий!

Автобус ехал, разрезая тугую слипшуюся темноту.

– Вы куда едете? – подошёл гид.

– В монастырь.

– Вы куда едете?! – громче, почти криком ошарашил.

– В монастырь.

– В монастырь Святой Екатерины! – говорит строго и внушительно, как директор школы.

Темно. Куда едут? Один весело балагурит, другой ропщет, что обгорели на пляже.

Остановились. Военные с автоматами входят в автобус. Проверка.

– Вы куда едете?

– В монастырь Святой Екатерины, – повторяю.

Военные вышли, вновь пригасили свет в автобусе.

– Не волнуйтесь, я помню. Через десять минут выходить. Там такси.

На Синае в 1063 году для помощи паломникам был создан орден рыцарей Святой Екатерины. Может, он их потомок?

Такси как пятно света в темноте ночи. Гид подводит меня к человеку в белой до пят одежде, длинной, как у наших монахов. В темноте это впечатляет. И автоматчики рядом. Скорее сажусь в такси. Едем. Куда? В монастырь Святой Екатерины.

В 330 году была построена монахами церковь у подножия горы Синай, у Неопалимой купины. Императрица Елена с сыном возрождала и эти святые места.

Ехали часа полтора. Остановились. Костры, верблюды, люди в оборванной одежде. Языки костров качают тени верблюдов. Чернота гор в блёстках звёзд.

– Финиш, – сказал белый бедуин на английском.

Нет, никуда я выходить из машины не буду. Меня ему передал гид с границы. Погранцы знают, где я. Здесь что?

Какой-то странный чёрный человек просунул голову в открытое окно и смотрит на меня, как на куклу. Бедуины окружили машину, будто пчёлы соты. Нет, никуда я выходить не буду, если не вытащат. Буду сидеть здесь до утра, или пусть везёт меня назад на границу. Гид сказал, что можно сидеть около полицейского и ждать рассвета. Где он? Что за кино? Where is police? Пли-ис. Где? Поли-ис?

– Гуд? – ещё кто-то заглянул.

Не выйду. Никакой это не «гуд», а ужас.

– Ему надо спать. Он едет домой. Тебе надо выходить. Ждать здесь, – сказала голова.

– Где монастырь?

– Здесь. Он ночью закрыт. Вам ждать, – и по-английски пояснила. – Он хочет спать.

– Я тоже хочу спать. Я буду спать здесь, в машине.

Трое странных лиц уставились на меня и уговаривают.

– Хорошо. Там есть кафе. Можно выпить кофе. ОК?

– ОК.

В Египте жарко днём, а ночью холодно. Вдруг возвращается белый бедуин с мечом и вводит прекрасную девушку, увенчанную короной.

И она протягивает мне книгу. Я открываю книгу и говорю: «Тут белые чистые листы». – «Напиши свою книгу жизни, – говорит она и протягивает мне кольцо. – Всё, что увидишь, напиши в книгу». И дарит мне кольцо. Вдруг шум и колесница с шипами, а над ней пальмовая ветка.

Шум всё сильнее, вот-вот колесо наедет на меня, а девушка, увенчанная короной, меня за руку отводит. Не спи!

Прибыли туристы из отеля Шарм-эль-Шейх.

До наших дней сохранились в горах тайны, влекущие сюда и святых, и грешников. Здесь дан был закон Моисею. Кто поднимется на гору сию, как Моисей? Прошло три тысячи лет или три дня: время внутри нас как туго сжатая спираль, мы – в прошлом. Русский мальчик семи лет держит за руку мать свою, она рассказывает ему о Святой Екатерине, о монастыре, что остался у подножия горы. Идёт сзади них со своим странным посохом старик почтенного возраста.

Поднимались на Синай ночью русские и украинцы, паломники и туристы.

Это было до войны.

Длинная тропа более пологая и позволяет проехать почти до вершины на верблюдах, которых предлагают бедуины. Вдоль длинной тропы устроены палатки для отдыха, там

продаются горячие напитки и сладости и предлагаются одеяла согреться за деньги.

На тропе – гранитные булыжники, камни. У всех фонарики.

– Берёзка?! – кричит гид-бедуин.

– Айва! – кричу со всеми, идя без фонарика. – Айва!

Сзади здоровый, толстый мужик шёл, сопел, ругался, фыркал, как верблюд.

Бедуины уговаривали его сесть на верблюда. Но изнемог и раньше всех сдался верблюду.

– Ой! Стой! Горб впился в живот мой!

– Гроб?

– Горб! Здесь тяжелее сидеть, чем идти. Этот горб верблюда – мой гроб.

Свет от чужого фонаря то сбоку, то сзади. Или иду за кем-то шаг в шаг, чтобы видеть булыжники, или ловлю свет фонаря.

– Берёзка?! – взбадривал гид из темноты.

– Айва! – кричат русские и украинцы.

Девушка сбоку раскачивает фонарь, чернота качается, и попасть на ровное место ногой трудно. А спотыкаться нельзя. Молюсь. «Да святится имя Твое». И иду, не падаю, словно светло вокруг меня.

Слева обрыв. Справа бедуин: «How old are you?» И хватаюсь за его руку.

– Он будет тащить тебя за двадцать долларов, – как только

я дошла до очередного привала, так мне сообщили.

Отпускаю его руку, молюсь: «Да будет воля Твоя».

– Верблюд тоже двадцать, – заметил толстый на верблюде. – Лучше верблюд.

Но вот тропа сузилась, и верблюды исчезли.

По бокам два бедуина: от обрыва – постарше, а от скалы – помоложе. Молодой предлагает руку. Наконец я хватаюсь за бедуина справа. Руку сильную. «Сколько тебе лет?» Он говорит громко. Приваливаюсь к ледяному камню. Дышу. Словно бежала.

И человек, и лев едины в камне, и звёзды на вершинах гор всё ближе. Гламура нет, здесь нешлифованный гранит блестит от звёзд. Ночь, камни, дыхание верблюдов за плечами. Здесь тайна гор и звёзд. Магнит в самой горе, он не изъят ещё стараниями печи.

– Берёзка?! – голос в темноте гида словно пробуждает.

– Айва! – шепчу и иду. – Не убий! Не убий! Не убий? Зачем война?

Бедуин рядом. Цепляюсь. Всё. Тропа уже не тропа, а щель в скале. Высокие ступени. Тащит меня бедуин. Поднялись, отдышались.

– Идите смотреть восход!

Ветер, Земля, казалось, дрожала. Синай стоял в огне восхода. Густая дымка тумана пала вниз, к подножию вершин.

– Где белый бедуин?

– Иди и смотри. Радуйся! – смеётся гид. – Сколько тебе

лет?

– Много, как Моисею.

– Хотите здесь провести сорок дней?

– Как Моисей.

– Возрадуемся же и возвеселимся! – пел кто-то на мотив псалма. – Я вывел тебя из дома рабства.

– Накажу детей за вину отцов до третьего рода.

– Не убивай!

Холод утра, мокрые свитера. Впервые выжимала свой пот. Не плачут горы: не из того материала сделаны. И мы, как горы, не стонем, не просим, но стоим. Гордые горы, а человек гордее. Господи, дай славу мне прославить имя Твоё. Не силуэты, а горы в светлеющей тьме. Хребты и горы – вот оно, первородство земли: камни, глыбы, вывороченные космическим взрывом? Это первокамни Творца?

Ждали, смотрели, как не восходит солнце. И вдруг ветер разорвал хмурые, унылые облака. И солнце взошло над Синаем. Вознесение солнца на небо было прекрасно. Первозданно! Сей день будто только что сотворён. Небеса с небес преклонились.

Вниз шли по другой дороге. Монашеский путь – 3 100 ступеней. Высота 2 285 метров.

…Через час высветился на вершине православный храм Святой Троицы. Севернее церкви, под скалой – пещерка, где сорок ночей укрывался от холода Моисей.

А тут, на северном склоне, – колодец Пророка Илии.

Свет лился яркий, солнечное блистание гор поражало взгляд. Спускаемся. Но только начала шутить – упала. Ушибла локоть. Замолчала, начала читать молитву. 40 раз «Отче наш».

Вот и храм Святой Екатерины. Весь в цвету в январе. Оазис среди пустынных гор. Вхожу. Куст неопалимой купины. Идёт группа, присоединяюсь. Благословили преклониться мощам Святой Екатерины.

Уходить не хочется.

Но это мужской монастырь.

Надо пройти, точнее, перейти границу назад.

«Не убий!» – главная заповедь нам.

Несколько стоек, как на ресепшене. Жду. Зажигается табло. Подходит с улыбкой парень. Улыбаюсь и я. О! Сколько бы я сейчас отдала, чтобы говорить на хорошем английском.

– Веа а ю?

– Откуда я? Из Египта. Иджепт.

Какая прекрасная ночь была! За нами шли верблюды, дышали нам в спину. Мы бежали от страха, что верблюд наступит на нас. Синай – это великое искушение.

– Сколько хотите быть в Израиле? Что будете делать?

– Хочу быть на Пасху. Изучаю фольклор Востока. Игумен горы Синайской Святой Иоанн Лествичник писал в «Лествице», что восхождение по духовным ступеням подобно подъёму на Синай.

– Под мою ответственность, – пропускает через границу.

Мёртвое море сияет справа, горы – слева, так же, как во времена бегства иудеев из Египта. «Море, увидев, отхлынуло, Иордан возвратился вспять, горы взыграли, точно овцы, и холмы, точно ягнята». Иерусалим стал роднее. Право, мир велик и бесконечен, выше третьего неба.

Автобус везёт назад, домой, в Иерусалим, тем же путём, за те же восемьдесят два шекеля. Но всё другое, преображённое.

В апреле будет праздник праздников – Пасха. Чудо.

Альпиде продлили визу. Ещё сто дней в Иерусалиме!

* * *

Прошло время, протекли дни, как вода в вечной реке жизни.

И наступил день, который Альпида ждала всю жизнь, как ей казалось. Утро начиналось пасмурно. Но капризы природы не останавливали людей. Альпида поднялась рано, умылась. Уже пора было идти, вчера они договорились с Михаилом встретиться. Вяло накинула жёлто-оранжевую ветровку с капюшоном и в последний момент сунула в карман удостоверение. А вдруг? Солнце не проснулось или опоздало не совсем случайно.

Переоделась потеплее, натягивая второй свитер, замотавшись в белый шарф. «В храм не попаду, а на улице холодно.

Утро без солнца. А как же сошествие огня?» – Волновалась она за христиан всех конфессий, как учительница за свои классы на выпускных экзаменах. От волнения мысли в голове прыгали нестройно, как вода в чайнике перед кипением.

За шесть дней до Пасхи Он с учениками пришёл в Кедровую долину и ждал входа в Иерусалим. Молился до кровавого пота. Был праздник в 33 году от Рождества Христова.

И тогда тоже пришло много народа.

Тысяча девятьсот восемьдесят два года назад Спаситель молился под открытым небом ночью. Здесь. В это время. Вблизи Иерусалима. На Масличной горе.

«Спасибо Иерусалиму за пять с половиной месяцев. Я другого такого, как Иерусалим, не знала», – говорила она сама в себе, спускаясь, не суетясь, по крутым арабским ступеням Al Arab. Хостел в стадии перестройки, на крыше кошки и гордые, бедные и свободные русская Альпида, украинка Амель (дома у них другие имена) и киприотка… Какая-никакая, а крыша над головой.

Улицы весёлые, но небо видно только на VII станции, где было второе падение Иисуса. Здесь останавливают – это первый кордон израильских молодых и красивых хранителей порядка. Первое искушение? Тут всегда останавливается гид Марк, рассказывая, что отсюда видна была гора Голгофа.

Альпида предъявляет удостоверение. Показывают ей в нише каменного лабиринта русскоговорящую девушку в израильской военной форме. Русская пропускает русскую,

объясняет, что будет ещё поворот один, второй, третий…

Первое ограждение прошла.

Второе обошла. Третье, четвёртое.

– Иди туда, – по-русски говорит темнокожий страж.

В толпе раздался голос Михаила Сидорова, адвоката. – Попали к коптам? Я боялся, что не пустят и я не смогу встретить тебя, как вчера договаривались.

– У тебя тоже нет пропуска? – встала на каменную загородку Альпида, чтобы видеть подальше.

– А кто я здесь? Адвокаты и охранники свои, вон их, видишь, сколько! Ты знаешь, как идти к храму?

– Все дороги ведут к храму…

– Но нас-то ведут по кругу, а не сами идём. – Он поймал её за белый, надувшийся на ветру, как парашют, шарф.

– Исход… Представь. Здесь всё реальное становится нереальным.

– А ты хорошо выглядишь. Как сирийка.

– Вы вместе? – спросил по-русски полицейский-израильтянин.

– Да. Нам надо пройти в греческую патриархию. Он журналист, – Альпида по-английски говорит с американским акцентом.

Военные пропустили.

– Что ты им придумала? – занервничал адвокат.

– Миша, я сказала, что мы вместе.

– Спасибо, сказочница.

– Туда, туда! – грубо кричал полицейский, выставив руку на «хайль Гитлер».

– Как нацист во время Второй мировой, – оскорбился Михаил. – Иду туда, не знаю куда, принесу то, не знаю что, – засмеялся и пошёл в другую сторону.

Альпида почувствовала, что Михаил не верит, что попадёт на схождение благодатного огня, и стала от него отделяться.

– Иди туда! – крикнул ей охранник.

Она смирилась, терпеливо стала идти за темнокожими женщинами в белом. Они были празднично спокойны и величавы в белом от головы до пят.

Она вернулась и прошла, смешавшись с сирийками в белом, там, где не могли пройти с Михаилом. Под белым шарфом-парашютом её словно не видят.

У девятого заграждения – девятый вал. Отцы поднимают на плечи детей, чтобы тех не задавили. Остановка с указателями: Восточная Стена, Мусорные ворота… Стоят. Встаёт и Альпида в конец толпы. Всё подходят и подходят сзади. Жмут, давят. В двух свитерах жарко, душно в толпе. Жмут. Уходить, выбираться как-то из толпы надо. Давит волна притекающих людей всё яростнее.

Что это в бункере подземной улицы у поворота на Навозные ворота? Рывок. Как дёрнула кольцо парашюта. Выберусь! Назад! Уходить! Поворачиваться и уходить.

И вдруг толпа дрогнула и понесла её задом вперёд, словно

шла от Стены Плача. Ограждения никакого нет, убрали. Вынес Ангел от Мусорных ворот. Идут. Бегут. Летят на своих воображаемых крыльях-парашютах. Прорвались и спешат, кто как может, приземлиться у Храма.

К Храму подпустили между десятью и одиннадцатью. В небе ласточки летают, словно расписывают небо.

Вход в Храм оцеплен. В ограждении двумя рядами стоят паломники и туристы, волнуются, закипают. Между рядами ограждение, как в реке Иордан – границе между Иорданией и Израилем. Гремят кавасы, мусульманские стражи почётные, тысячелетней низшей полицейской властью облечённые.

Мужик с толстым, как туго набитый кошелёк, животом как-то грубо шутит и давит «кошельком» в спину. Здоров, не смеётся, а ржёт, как застоявшийся мерин. Терпеть. Это искушение. «Грешна. Каюсь. Как меня, грешную, в Храм пустят?» – Альпида открывает молитвослов, чтобы строй своей души настроить на покаяние.

– Не давите! – она громко вскрикнула неожиданно для себя. – О, как наковальня, живот ваш в решётку вдавливает.

– На меня давят! И я давлю! Есть такая терапия – тереться друг о друга. А ты подумала, почему я на тебя давлю? – Весёлый гоголевский батька смеётся. – Я могу спать и на односпальной кровати вдвоём. А вы знаете, в 1923 году не сошёл огонь здесь. И патриарха турки вместе с архиереями вырезали. А вы прёте!

Давит животом-рюкзаком мужик в спину. За ними стоит и

молится девушка, настраивая душу свою на молитву о жизни вечной.

– Но ты же мужчина! Не дави. Я вижу, что ты давишь. Не дави! – кричит Михаил Сидоров на здоровенного украинского батьку. – Это женщина! Не дави!

Альпида посмотрела на Михаила, она не одна. Кто-нибудь да вытащит.

– Миша!

– Если месяц походить по этим улицам, можно шизофреником стать, – шутит Михаил.

И наковальня живота сдвинулась, и она отодвинулась от ограждения решётки. И стало легче дышать.

– Если пропустили, то все пройдём, не давите, – оказался рядом Михаил Сидоров, который видел дальше, что делается и сзади, и спереди.

– Место это называется Атриум, – Марк-гид стал говорить громко – для всех. – Атриум выложен на камнях и сохранился от языческого святилища императора Адриана. Длина Атриума – двадцать пять метров, а ширина – семнадцать. Знатные крестоносцы обрели упокоение, или успокоение (как правильно?), под этими плитами. Колонны перед нами когда-то были портиком, воздвигнутым в двенадцатом столетии. С двух сторон, вы видите, от Атриума храмы. После пожара в 1810 году вновь отстроен тот, что вы сейчас видите.

Вылетел голубь, как молния, из Храма, словно там огонь.

– Почему голубь выметнулся стрелой, как будто там пожар?

– В два раза повышается электромагнитное поле здесь, – успокоил Марк-гид.

Птица взмыла к куполу, под которым была незастеклённая Кувуклия, и её застеклили лишь несколько лет назад.

Стучат по древним римским булыжникам кавасы, турецкая стража, независимая от шести конфессий, которые располагаются в храме.

– Кто идёт? – голоса из-за спин.

– Иерусалимская православная церковь идёт, – Марк рассказывает для тех, кто оплатил его экскурсию-сопровождение. – В полдень по традиции тысячелетий Блаженнейший Патриарх Святого Града Иерусалима и всей Палестины Феофил III идёт.

У входа в Храм торжественная суета.

По небу бегут облака: одни – налево, другие – направо.

Маленький турок, пятисотлетний наследник ключей от Храма, поднялся на высокую ступень лестницы у стены.

– Здесь древняя Иерусалимская патриархия. Феофил III – Иерусалимский патриарх. А нас могут и не пустить, – раздражает Сидоров.

– В 1099 году крестоносцы, вступив в Иерусалим, увидели в ротонде храм, богато украшенный византийцами. И крестоносцы в зоне Мартирия и его атриума возвели комплекс зданий августинского приората храма Гроба Господня. И до

1167 года проходила служба в храме Гроба Господня и приделе Животворящего Креста Господня.

– Тихо, гид! – перебили Марка-гида. – Скажи лучше, кто идёт сейчас?

– Патриархат Армянской апостольской церкви идёт.

Кавасы стучат, напоминая о глубокой истории из жизни предков.

– Уже опечатали входные ворота в Кувуклию с вошедшим в одной рясе патриархом? – спрашивают знатоков.

– Да не было ещё ничего! Успеем! Войдём.

– А время сколько? – громко спрашивает Миша: работа по особо важным делам сделала и его, опытного адвоката, беспокойным.

– Всеобщий патриарх там уже?

– Кто входит в Храм?

– Копты. Христианские копты-египтяне с середины первого века тут. Апостол Марк-евангелист о них писал. Потомки фараонов и коренного Египта. Слово это странное – «копт» – от слова «Айгюптос» – это греческое называние Египта, – Марк-гид старался не терять тех туристов, которые ему оплатили эту непростую экскурсию. К сожалению, ему на этот раз не дали приглашения.

Недовольные стоять в очереди не желают. В России ропщут (как писал Пушкин). Капитализм вернулся, развернулся, пугая бедняков. Так опять и происходит, недовольны: у кого бисер мелкий, а кому жрать нечего. Вот вам и играй

в бисер, по Гессе.

Альпида вспоминает.

Три признака конца света, говорила монашка на горе Елеон: засохнет Мамврийский дуб, найдут Ноев ковчег и не сойдёт Благодатный огонь. И было искушение: засыхал дуб, огонь сошёл не в Храме, когда не пустили греков. Греческих кавасов еле слышно. Копты шумят, идут в чёрных шапочках с двенадцатью белыми крестами.

– Кто проходит мимо нас? Нам не видно!

– Монахи лавры преподобного Саввы Освящённого.

– Кто сейчас идёт?

– Сирийцы. И вот… православные арабы. Они входят шумно как на карнавал.

Арабы громче всех проходят церемонию вхождения в Храм. Въезжают, сидя один на другом, как на осле. Поют. Бьют в барабаны-бубны. Громко кричат.

Окропляет кто-то с неба. Сколько времени? А где же солнце? Как же сойдёт огонь с неба, если на небе облака?

– А монах с Голгофы вчера сказал: сидеть в час на скамейке перед плитой Помазания, – кричит Альпида, чтобы услышал Михаил.

– Если он сказал: в час на скамейке, – значит, ждём до часа, – успокаивал беспокойный Михаил.

Утро без солнца, а как же литания? Тучи нижние бегут, опережая верхние облака. Моросит, охлаждает всех дождь. Солнечного цвета ветровка с капюшоном прикрывает от

мелких капель. Дождь над Святым Гробом? На Пасху?

Как Давид на коне, так араб на арабе едет и поёт перед входом в Храм. И заезжают, и заходят. Свистят. Поют. Кричат. Ликуют.

Облака как образа. Встают. Летят. Вырастают. И тают. Дождь рассеивается. Ветровка солнечного цвета с капюшоном сияет, почти высохла.

Прошел час.

Очередь из толпы, где стоял Марк-гид, почти придвинулась к входу.

– Два на два входим, – приказывает израильский полицейский и смеётся: так было в Библии, когда Спаситель посылал учеников своих.

Вошли Марк и его паломники-туристы.

Металл перегородок в Храме: направо пойдёшь – на Голгофу взойдёшь; прямо – камень Помазания, что вчера освящали. Налево – Кувуклия. Но туда не пускают без приглашения. Там, в Кувуклии, будет молиться Феофил III о схождении благодатного огня.

Вот перед ними – плита Помазания. Камень длиною с человека. С Креста Его положили здесь. Миро на камне благоухает. На стенной росписи мироносицы…

– Все на Голгофу! – крик.

Альпида вздрогнула. Словно сегодня кого-то распинают и её это как-то касается лично.

Но где скамейка? Монах с Голгофы сказал сидеть здесь,

на скамейке. В час. Час приближается. Скамейки нет, а осталась каменная тумба, как бревно, на чём покоилась каменная скамейка.

– Прошла? – больше удивилась, чем обрадовалась, врач Амель, уткнувшись в Альпиду.

– С праздником, – отозвалась Альпида, не понимая, начался ли праздник. – Куда идти?

– Монастырские искушения – удивительные искушения. В миру бы не заметила, а тут как иголка под ноготь. Пойдём. Нам надо туда, – смотрит Амель налево, в сторону Кувуклии и трёх ограждений, соображая, как их преодолеть.

Амель здесь не первый раз, она замерла, прислонившись к камню, как маленькая, едва видимая ящерица на стволе тысячелетней оливы в Гефсиманском саду (фотографию эту она бережно хранила десять лет, ещё с первого приезда). Когда подошли приглашённые, Амель тоже удалось просочиться между охранниками.

Амель видит, вытянувшись на носках, как совершают крестный ход с хоругвями вокруг Кувуклии.

* * *

Альпида слышит – кричат полицейские. Надо идти на Голгофу? Стоять не разрешают. Все бегут. Альпида пошла направо, мимо святого камня Помазания и места, где вчера была каменная скамейка. Монах с Голгофы не знал, что ска-

мейки не будет. Бегом по кругу.

Придел сирийцев? Раньше они служили, кадили, пели псалмы. Сегодня закрыто. Гид говорил, что там нет сейчас икон. Реставрация. Там сгорела чудотворная икона. Она была в нише. В темноте. И кое-кто, чтобы помолиться, зажёг свечу неосторожно…

Колонны. Старая резьба по камню. Ограждение.

На ограждение, на паломников, монашек, полицию и детей – смотрит Творец с небесного высокого голубого купола между металлическими решётками строительных лесов.

Альпиде страшно. Толпа давит. Шум похож на шум театра, смешанный с гулом многолюдного вокзала. «Мы как одно тело», – мелькнуло у неё в возбуждённом сознании.

А полицейские, молодые и весёлые, отдельно стоят, отгородили себе половину прохода и ходят как по пустыне.

Душно. Попить бы, но осталось на пару глотков, надо беречь. Терпеть и смиряться.

Полицейский добыл три маленьких бутылки с водой. Уже пьёт.

Альпида вынимает свою пустую бутылочку и просит жестами и английскими словами:

– Куд ю хелп ми? Э литл вота.

Понимает? Нет? Уходит?

Альпида делает предпоследний глоток. И воды на глоток оставила, на чёрный миг.

Издали, сзади волнение. Женщине плохо. Расступитесь.

Дайте выйти. У Альпиды задрожали ноги. Нет, нет, только не падать. Схватилась за решётку, повисла. Девятый вал толпы. Сирийка вся в белом берёт её руку себе под локоть, крепко держит. Она спортивная, красивая и сильная. Не слушать крики. Стоять. Есть ещё один глоток. Стоять. Молиться. «И очисти нас от всякия скверны… Господи!»

Возвращается израильский блюститель порядка, протягивает бутылку воды, как спаситель. Альпида пьёт холодную воду. Предлагает пожилому мужчине справа. Он берёт вздрагивающей рукой.

Таинство в храме продолжается.

Патриарх Иерусалимский снимает архиерейские облачения и со свечами входит в Кувуклию. Патриарх молится о сошествии Небесного Огня.

Альпида прикрыла глаза, чтобы представлять и видеть внутренним взором то, что в Кувуклии. Вот заходит армянский священник, который из придела Ангела будет наблюдать и свидетельствовать.

На Кувуклию ставят печать кустодию. Это ароматный воск. В храме темно, погасили лампады. Ожидание.

Каждый видит то, что хочет видеть.

Амель здесь не первый раз, и была она к Кувуклии очень близко, и ей казалось, словно была она внутри самой Кувуклии, и слова, словно стихи, рождаются в ней: «Горит огонь на камне. Вот уже весь покрыт огнём. И лампады горят. Не коптят. И не обжигает огонь. А потом силу огонь набирает. „Он

будет крестить Огнём и Духом…“ Блистание вышло светлое и страшное».

У каждого своя правда.

А Михаилу кажется, что в темноте всполохи похожи на вспышки кинокамер времён Чарли Чаплина.

– Что это? – взглянула Альпида в лицо высокой сирийке.

Над толпой – Спаситель. Лик строг. Литания не закончилась, ещё не свершилось. А если не будет схождения огня, то истреблён будет народ?

Молится рядом сирийка, всматриваясь в свою душу.

– Христос воскрес! – кричит охрипло мужик с животом-наковальней, взобравшись на металлические строительные леса.

– Воистину воскресе! – отвечает Альпида, подчиняясь магии толпы.

– Что вы ищете живого среди мёртвых? – спросил громко кто-то в толпе.

– Ещё время не пришло, – напоминает русская монахиня. – Молитесь.

Мужик хрипит по-украински, сжимая кулаки и вдавливая локти в бока.

Потом кто-то кричит по-румынски. Вот взбирается рядом с ним женщина, крича по-итальянски.

– Патриарх молится в Кувуклии! Тихо! – сердится русская монахиня. – Молитесь! Кайтесь! Плачьте! Иначе огонь

не сойдёт!

– Правда, что в двадцать третьем году не сошёл огонь?

– Вот, а помогали восстановить иерархию хиротонии, сделанные епископами Русская православная церковью за границей. А в это время безбожниками патриарх Тихон был устранён. Вот и был знак. Ничего не надо разрушать.

Всполохи молниями освещают древние колонны с каменной резьбой.

За ограждением, напротив, десяток израильтян смотрят за безопасностью. У одного рюкзак с огнетушителем. Спасатель-пожарник легко перепрыгнул через ограждение и убежал к Кувуклии.

Крик. Шум. Там что-то уже происходит. Началось?

Всполохи освещают как мощные прожектора, и всё чаще.

Молнии всполохов мощнее и длительнее.

После того, как огонь сошёл, печать снимают.

Амель видит, как передают огонь через овальные отверстия в Кувуклии. Через минуту бегут с огнём дальше. Волнение, ликование, крики и колокол.

Пробегают по свободной половине трое с огнём.

Смятение. Шум водопада. Свершилось?

Где мой шарф? Горит? Огонь! Дым… Горит всё. Темно, и дым, и огонь. Что это? И радость, и страх. Горит всё у всех. Люди в огне.

Альпида потянулась направо. Далеко. Протянула руку налево – высоко. И вот он уже везде, кругом, высоко и низко,

близко и далеко. Он – огонь. «Он будет крестить вас Духом Святым и огнём». Она зажгла свои 33 свечи.

Огненная непостижимая судьба, как наковальня. У кого три пучка по тридцать три свечи горят. У кого в двух руках по три пучка.

Около двух часов. Свидетельство о Божием благоволении свершилось. В этом огне мир и любовь.

Мужик с бутылкой воды и пучком огня ищет выход.

– К открытому небу… Прямо. Там воздух.

– «Огонь… не опали меня».

Горит всё! И страх, и радость. Горит всё везде. Огонь в руке. Тридцать три свечи горят. «Попали терние всех моих прегрешений…»

Толпа ликует. Толпа дышит огнём. Очки упали.

Огонь! Горит в руке. Пучок огня тридцать три свечи. Пучки горящие надо мной, сверху. Пламя рядом, перед лицом. Горит сбоку. Рядом. Совсем близко. Страх. Осторожно. Волосы. Куртка. Огонь. Лицо. Радость. Огонь у меня в руке. Умываюсь Святым огнём. Все – в огне. Горят, не сгорая. Неопалимая купина на Синае. Дым, огонь, темнота. Свет. Дым светится!

Литания – молитва по получении благодатного огня. Свершилась! Загорается огонь на святой плите каменной. Передали через овальные окна: направо – грекам, налево – армянам.

Цел будет Его народ.

Дым поднимается, как облако, вверх. А сверху опускается свежий чистый воздух, словно небо сходит на землю.

Альпида отошла, где открыто небо.

– Вы светитесь! – удивлённо смотрела русская монахиня. – Вы не видите себя!

– Я? Как?

– Через восемь часов Христос воскреснет, – говорит русская монахиня.

– А разве Он не воскрес две тысячи лет назад?

Толща времени становится прозрачнее, невесомее, как облака, что окропляли нас перед Храмом. Время утончается от света, и мы чувствуем то, что было две тысячи лет назад.

– А это схождение благодатного огня и освящение всего. Как освящение воды в Иордане и во всём мире.

– В полночь пост кончится. Терпите.

– Вот ты сейчас вся светишься! – улыбается Амель, явившись перед Альпидой из дыма и огня.

– Сфотографируй.

– «Яко огня меня бежит всяк злодей», – молится Амель, погрузившись в глубину своей души. – Вынос Святого Света – это выход из Гроба Света Истинного. Света от Света.

– Он воскрес две тысячи лет назад.

– Свет свидетельствует. Свет Истинный.

Люди, как дети, радовались чуду.

Своды озарились. От свечей Патриарха начинали по цепочке зажигать свои свечи молящиеся, и скоро огонь полы-

хал в руках у всех верующих, заполняющих храм, площадь перед ним и улочки старого Иерусалима.

И гонцы с огнём Благодатным полетят в Россию, на Украину, в Беларусь, Грецию, Кипр, Болгарию, Румынию, Египет, Сирию, Польшу, Сербию…

Амель смотрит на Альпиду как на сестру.

Колонны гранитные. Строительные леса. Открытый прямоугольник неба.

– Пошли к грекам на службу, – Амель светится счастьем.

– Стойте. Терпите. Смиряйтесь! – строго говорит монахиня с Елеона. – А то сейчас там всех выводят!

Амель и Альпида улыбаются, умываются огнём.

Дым рассеивается. Они уходят на литургию к грекам.

– Луч ловить надо!

Амель встаёт под луч солнечного прожектора. И, ласкаясь лицом, улыбается, как врач не от мира сего.

Вот и её коснулась благодатная любовь.

…Литургия на сошествии благодатного огня. Что за шум? Кого-то успокаивают.

Вышел Патриарх с жезлом в правой руке, молится. Народ успокаивается. Причастие продолжается.

«…Сохрани мя… от слова душетленного».

Всех наций образцы, как дети, открывают широко рот, священник причащает их, потом утирают губы красным.

Таинство. Мир всем!

Вышли на улицу. Солнце в лужах. Небо в разорванных

облаках.

Подошёл Михаил Сидоров:

– Мой друг-физик говорит, что огонь…

– Не огонь, а Свет, – перебила его Амель и отошла, она уже слышала его разоблачительные речи.

– Почти сто лет назад Алексей Толстой изобразил яркий луч гиперболоида инженера Гарина. А у нас до сих пор кричат, поют, ходят с процессией. Молятся и просят. Средневековье.

– С девятого века свидетельствуют, что Святой огонь сходит.

– Люди хотят чуда, мира, благодатной любви.

А откуда свет был? Возвращаемся в храм. Другой Храм? Кувуклия другая. Всё в другом свете. Великий Творец предвидел всё и дал нам веру в свет неземной. Самая светлая фотография. Ты светишься от счастья. Каким чудом на Святой земле находят мир мировые религии? В Иерусалиме – один язык, язык веры. Мир Иерусалиму! Мир русской земле в Иерусалиме!

Частицы восковой пломбы раньше раздавали паломникам. Иногда из таких частиц изготавливают ладанки, реликварии.

У монаха с Голгофы была такая ладанка, как живая память о том, что Гроб Христа после погребения был запечатан, а у входа поставлена стража. До сего дня чудо неземного света и благодатная любовь светят нам, словно путеводная

звезда и на Земле, и среди океана небесного.

Мир всем!

Фарфоровый попугай

Этот нежный августовский закат невозможно забыть. Была та пора лета, когда трава ещё не огрубела и ласковым шёлком словно омывала ноги. Подруги-одноклассницы шли по берегу босиком и искали, где можно перейти речку. Вот навстречу радостные загорелые студенты.

– Здесь можно перейти на ту сторону реки? – спросила Инга, указав рукой на заросли куги.

– Попробуй! – засмеялся парень, снимая с колена зелёную водоросль.

– А глубоко тут?

– Вот так, – показала девушка на грудь. – Где пляж, там мельче.

– Шри-Ланка тут, – серьёзно шутил парень в ирландской кепке с красным лоскутком.

– Коровий пляж! – Девушка махала руками, отгоняя слепней. – Быстрей пошли отсюда!

Через пять минут подруги детства ступили на твёрдые, словно валуны, кочки ссохшейся грязи, выбитые копытами стада. Потом началась настоящая грязь. А вот и река-ручей с холодной свежестью. Подняли юбки. Тина по колено, и скользкая жижа. Перешли речушку. И вот под ногами песок – это правый берег реки. Коровий пляж. Речка Лопасня, в одних местах сузившаяся до ручья, который можно перейти

по колено, дальше, в месте старицы, широченная, как Ока.

Инга вошла в воду сразу. И поплыла на закат.

– Как хорошо! – сказала она, взмахивая руками. – И вода тёплая. Только коленки водоросли цепляют. Как удивительно! Конечно, это не море… Но как хорошо!

Вышла она из воды свежая, радостная.

– Голова кружится, – теребила мокрые рыжие волосы.

– Это от счастья, как говорил мой бывший.

– Что-то со мной не так.

– Ты не беременная вернулась с моря?

– Я не замужем, как я ребёнка рожу? – Она легла на траву и закрыла глаза, делая вид, будто она спит. И сразу всё представила, будто въяве. Море, солнце, берег такой чистый и тёплый закат.

* * *

На море Инга мечтала поехать в свадебное путешествие с любимым. Но сейчас ей казалось, что мечтала вовсе не она, а другая женщина – из какой-то другой, заоблачной, счастливой и мирной жизни.

Билет в один конец. Её лучшая подруга в самый последний момент сдала свой билет. Было некомфортно ехать одной, и свой поступок она считала почти авантюрой. Но Инга не могла отказаться от мечты. Дождь за окном. Казалось, после весны началась какая-то затяжная осень. Лето, как и

свадебное путешествие, проходило стороной.

Инга уложила вещи в новый розовый чемодан, который купила для свадебного путешествия. Оставалось ещё время на чашечку кофе. Она, как и он, любила молотый, хорошо обжаренный.

Кофе она готовила в маленькой медной турке, держа её на огне за деревянную ручку. Вот кофе помутнел, зашевелился, ожило что-то на дне старой закопчённой турки. Снизу поднимались крупинки, точно чёрный песок. И вот вода уже стала пениться, как шампанское.

От тепла, от красно-синего язычка пламени в турке закипела другая жизнь. Всё сильнее мутнела простая водопроводная вода. Вырывались со дна песчинки чёрного кофе. И, наконец, пошёл благоухающий аромат, запах и вкус которого придавали силы ночью, когда она правила чужие рукописи, вдохновляясь воображением авторов. А утром не было сил вставать.

Инга посмотрела на часы. Через полчаса надо выходить. Кофе пила маленькими глотками. Это была минута отдыха и наслаждения. Всё! Она уезжает!

Чашечка опустела, и на дне её остались лишь две-три капли и крупинки молотого кофе – кофейная гуща. И вдруг кто-то берёт её руку и переворачивает чашечку над блюдечком. И… корабль с парусами.

Она встала, подошла к окну. Наваждение прошло. Она приходит в себя. Улыбается и идёт проверить ещё раз кра-

ны, перекрыты ли они достаточно плотно. Закрыла форточку в спальной комнате. Всё! Кажется, всё! Собака в деревне, у мамы. Газ, вода, свет – всё выключено. Билет, паспорт в сумочке. Всё, можно выходить. Села напротив картины «Сотворение мира. Хаос».

Возвращается на кухню. Перевёрнутая чашечка с кофе. Поднять? И что там в кофейной гуще? Что за причуда перед дорогой? Никто не провожает, поэтому грусть сквозь радость, как тень от пальмы. И причуда – это чудо, которое спасает нас от грустного одиночества. Инга медленно поднимает чашечку над кофейной гущей. И видит… На неё глядит мужчина… Что? Он ещё и лысый? Перед ней миниатюрная маска. Она видит и рот «дракона», большой, широкий, и, словно на фотографии, тёмные большие зрачки глаз. Ей захотелось даже сфотографировать эту маску. И минуты остановились, как частицы кофе в кофейной гуще. А там, за дверью, время грозило ей опозданием на поезд.

Свадебный розовый чемодан на колёсиках покатился впереди неё, как собачка на поводке. И она рванула дверь на себя! Всё! Тусклый уставший мир позади, сейчас она его закроет на ключ и выйдет.

Дождь преследовал её, и как бы таксист ни добавлял скорости, дождь не отставал, он сёк по окнам железными прутьями, оставляя рубцы и струящиеся слёзы.

Когда стучат колёса, время подчиняется другому ритму.

На боковой полке плацкарты одни просили других поменяться. Кто-то соглашался, кто-то нет. Наконец поменялись. А поезд ехал к морю. Поезду было всё равно, кто на какой полке спит.

– Папа, я хочу спать наверху! – требовала девочка.

Мужчина, хозяин двух боковых полок, помог девочке забраться повыше над взрослыми.

– Галя, не упади! – сказал он ей.

Девочке было лет семь или восемь, она смотрела, как смешно покачиваются бутылки с минеральной водой на раскладном столе, как мелькают за окном дома и деревья и как поезд стремительно догнал лошадь с телегой и оставил далеко позади и возницу, и четвероногое его средство передвижения. Велосипеды, машины и даже птиц – всех обгонял поезд. И ей было от этого весело.

Инга наблюдала за жизнью отца и дочери, и ей казалось, что она никогда не испытывала такой заботы и любви, которую этот мужчина дарит своей дочери. Он был так внимателен и предупредителен с ребёнком. «Бывают же счастливые семьи», – думала она. Он лет сорока, высокий, хорошо сложён. Но было что-то в мужчине очень странное, ей все казалось, что она его уже знает или по крайней мере где-то видела. Глаза чёрные. Лыс, от слова совсем. Инга невольно рассмеялась и, чтобы люди не заметили её странность, покачала головой, словно смеётся над девочкой. Инга узнала его. Да! Это он – человек-маска из кофейной гущи. И ей стало

не по себе. Мистика?

«Неужели эта встреча была предопределена судьбой? – думала Инга, отвернувшись к окну. – Я же решила – никаких романов, тем более курортных. А что это я беспокоюсь заранее – побережье большое, и неизвестно, куда они едут».

Инга улыбнулась. Мужчина с боковой полки перехватил её взгляд, поднял голову от книги, привстал, взглянул на дочь, но, не найдя ничего смешного, опять взглянул на Ингу. Она почувствовала замешательство и отвернулась к окну, где всё менялось и двигалось, казалось ей, с быстротой молнии.

– Папа, можно я буду спать с тётей? – спросила девочка.

Отец снял дочку с верхней полки, постелил внизу, и девочка быстро уснула.

Сергей удивлялся, что проснулись все в плацкартном вагоне уже почти родными, смотрели сонными глазами друг на друга. Он словно журналист наблюдал за ними.

– Пап, у меня коса расплелась! – капризно сказала девочка.

Он промолчал.

– Заплети! – потребовала дочь и захныкала.

– Я не умею, – беспомощно сказал мужчина. – Галя учись сама себя заплетать. А то у них, у подготовишек, и гольф, и чирлидинг, и массаж на уроке физкультуры.

– А как же я буду на море плавать? – Девочка дёргала себя за лохматые волосы.

– Галя! Хочешь попугая? – Инга вынула из сумочки игрушку.

– Хочу.

– Ты что больше любишь: гимнастику, танцы или акробатику?

– Ничего.

– Не будешь плакать?

– Нет. – Галя протянула руку и ощутила прохладную игрушку. – Ура! Попугай! Он будет разговаривать со мной.

– Не разбей! Его мне моя бабушка подарила. Он фарфоровый. Тогда все были такие. Время было такое.

– Золотое?

– Нет.

– Серебряное?

– Фарфоровое.

– Короче. – Сергей засмеялся: – Фарфоровый век русской литературы? Был и такой?

Глаза мужчины встретились с взглядом Инги, и она почувствовала, как он словно магнетизирует её своей властностью.

– Подойди ко мне, я тебе заплету косу! – Инга нарушила своё безучастное наблюдение.

И Галя охотно подошла.

Инга достала свою итальянскую расчёску из красного дерева и занялась косой девочки. Волосы были мягкие, как ле-

пестки нарцисса, они послушно распрямлялись под гребнем и заплетались в косу.

– А вы где живёте? – спросила Галя.

– В Чехове. А ты?

– В Москве. А вы где будете жить на море? – спросила девочка.

– В «Искре». А вы где?

Девочка отошла к отцу, но сразу вернулась:

– И мы в «Искре»! А где вы выходите?

– В Небуге.

– Ура! – воскликнула Галя и взглянула на Ингу глазами отца. – И мы в Небуге! Ура!

Отец был рад радостью дочери.

Через два часа они вышли.

Юг встретил их мелким дождиком. Но это был уже другой дождь – тёплый, ласковый, с проблесками солнца и коромыслом радуги.

Сергей покатил свадебный розовый пластиковый чемодан Инги, перекинув свою спортивную сумку через плечо, и другой рукой волок за собой свой старый кожаный чемодан. Инга взяла за руку его дочь. Девочка доверчиво сжала своими пальцами её ладонь.

Вот и частный пансионат. Люди, приехавшие к морю с детьми, спешили занять комнаты получше. Ингу должны были поселить одну в комнату, но кто-то её опередил. Хозя-

ин-армянин с длинными волосами, как у художника, извинился:

– Простите, мадам. Я хозяин гостиницы. Это только на одну ночь. Завтра освободятся два номера.

В трёшке, разделённые тумбочками, стояли три кровати. Её соседями по кроватям была женщина с девочкой лет десяти, которая медленно, невнятно говорила, без матери никуда не выходила, а с лица её не сходила улыбка дауна, похожая на улыбку дельфина.

– Инна? – добродушно-глуповатая улыбка сияла на лице больной девочки. – Ты куда идёшь?

– Гулять.

– Не ходи одна, там серые волки под горой, зубы точат. Не ходи одна.

Окно с видом на горы. Инга открыла и почувствовала необыкновенную горную свежесть. Вот где живёт народ, у которого много силы, терпения и радости. Она быстро переоделась в купальник и топик. Взглянула на себя в зеркало, подкрасила губы и, поправив рыжую прядь волос, водрузила на голову белую шляпку. В сумочку положила новое махровое оранжевое полотенце и пошла к морю.

«Благодарю тебя, море, что я здесь, – шептали солёные губы. – Благодарю тебя, волна, что ты качаешь меня! Свадебное путешествие… Нырнуть бы, как дельфин, глубоко-глубоко». Здесь, в солёной воде, произошло «Сотворение мира.

Хаос». Бабушка рассказывала, что эту картину ей подарил Иван Константинович и сказал, что война – это хаос.

В два часа Инга вернулась на обед.

Галя подбежала к ней, взяла за руку и потянула за собой:

– Вот ваше место, тетя Инга.

Инга не возражала. Девочка ей казалась её спасительным кругом.

А вечером, после ужина, когда Галя играла с детьми во дворе пансионата, Инга и Сергей пошли прогуляться по набережной. У пирса стояли корабли, прибывшие из дальних странствий, дул свежий ветер с моря, в небе сияла луна в окружении блистающих звёзд.

Зашли в таверну. Загадочный свет. Музыка. Лучшие вина Кавказа. Инге нравились в нём манера говорить, танцевать, ухаживать за столиком, смеяться – всё было приятным. Его пронизывающий взгляд, казалось, рождал тайный, непостижимый, мистический страх, как гадание на кофейной гуще. Он о себе говорил мало и коротко: служу Отечеству. Официантка принесла и поставила на стол толстую свечу в стеклянном подсвечнике и ещё по бокалу красного вина.

У Инги кружилась голова. Всё происходящее ей казалось из будущего, которое никогда не станет настоящим. Вернулись. Галя не спала. Она заплаканная, растрёпанная, испуганная. Не спит и сжимает подушку.

Он обнял дочь, а ему казалось, что он обнимает Ингу.

Дни пролетали, как поезда, и останавливались только на счастливых станциях. С одной стороны от частного пансионата, метрах в трёхстах, – море, с другой – река. Инга любила медленно идти вдоль реки и наблюдать стремительное течение.

– Сколько здесь мальков! – Поток захватывал её.

– Это форель. Короче. Королевская рыба, – сказал Сергей.

А кругом розы, лавры, кипарисы, как в раю. Но девочке Гале хотелось в аквапарк, где она визжала от восторга, когда ехала по горке, закрученной в спираль, и, выскакивая из этой вертушки в воду, громко кричала:

– Мама! Мамочка! Мамуля!

На них смотрели как на семью. Они везде ходили втроём: он, она и между ними Галя. На пляже они были вместе, катались на прогулочном катере, где папа, открывал орех ножичком.

Сидели за одним столиком за обедом.

После обеда они отдыхали. У него жильё отдельное, веранда выходит в сад.

– Тетя Инга! – вбежала Галя в комнату. – Иди к моему папе. Он смотрит в книжку, а не читает. Я дала ему попугая, а он как кинет его!

– Разбил?

Девочка заплакала.

Вечером в субботу над горами сгустились тучи, хлынул тропический ливень, разразилась гроза. Инга стояла на ступеньках веранды и со страхом и наслаждением впервые наблюдала грозу над горами. И вдруг почувствовала, как Сергей подошёл сзади, прижал её, словно маленькую девочку, и погасил в ней страх перед этой горной грозой. В комнате Сергея было тепло и уютно. Дочка уснула, отвернувшись к стене. Он, наливая каберне в пластиковые стаканчики, прошептал:

– За тебя!

– За нас? – добавила Инга.

Сергей глядел в её глаза, словно пытаясь разгадать женщину. Перебирал рыжие завитушки. Ему страстно хотелось любви. Но такой, чтобы в этой женской любви была и любовь к его ребёнку (мать которого погибла в автокатастрофе).

По крыше стучал дождь. Молния в горах. Ночью тёмная виноградная терраса наполнялась странными звуками, как ущелье.

Дни стали другие. Всё наполнялось любовью. Но Инга не могла не замечать взгляды окружающих. Русские даже на отдыхе быстро узнают друг о друге всё и, не стесняясь, вмешиваются в личную жизнь. Какая-то особая, благодатная, связующая родственность заставляет их интересоваться поступками людей, с которыми они знакомы порой всего неделю, и переживать за них. Следующим вечером Инга сказала женщине с больной девочкой, что он одинок, разведён с женой.

Мужчина сказал ей про развод и не сказал про катастрофу. Косой взгляд соседки перестал осуждающе следить за ней.

Каждый вечер Инга гуляла по виноградному туннелю. Виноградная лоза цепилась за волосы, щекоча молодыми побегами усов. Дорожка предательски шуршала, и она шла-шла, ступая сначала на носок, а потом на пятку, чтобы меньше было шума, чтобы никто не увидел и не услышал, как она крадётся за любовью. И в благодарность за эти страхи – поцелуи.

Сергей с дочкой уезжал раньше. Его серый потрёпанный чемодан, когда-то дорогой, теперь стал старым и прятался за его спиной. Объявили отправление. Инга чего-то ждала. И молчала, словно забыв все слова. Он слегка губами коснулся её губ. В эту последнюю минуту она ждала от него одного-единственного слова – «увидимся». Но он молчал. И тут неожиданно девочка приказала: «Папа, спроси у тёти Инги телефон, я хочу ей звонить». Инга продиктовала, он забил его в телефон:

– Короче. Когда у меня был большой успех, я потерял друзей: они стали дальше от меня. То ли зависть в них проснулась, то ли во мне что-то изменилось. Когда у меня был очень большой успех, у меня появились враги. «Не совершил ли я подлость по отношению к ним?» – спрашивал я себя. Бабушка говорила мне: «Не отрывайся от стада». Если они оказались в глубокой жопе, то и я должен лежать с ними на коро-

вьем пляже? – А моя бабушка говорила: «В человеке есть всё, главное, какой стороной его повернуть».

– Попугая хотели повернуть, а он взял и разбился.

Поезд медленно, очень медленно тащился по перрону и не хотел прибавлять скорости.

Инга вернулась к морю одна. Плавала и искала глазами хоть кого-нибудь, хоть рыбу.

Одна сидела за обедом одна. Армянин-хозяин предложил ей перейти в апартаменты, которые, после отъезда Сергея, освободились.

– Я собрал вашего фарфорового попугая.

– Зачем?

– Склеил. Мы, армяне, семьи не разрушаем, а склеиваем. У нас такая древняя религия. Дорогая вещь?

– От бабушки.

Инга чуть не расплакалась. Она шла через дворик, никого не видя, слёзы, словно волна, накрывали её.

– Инна? – встала перед ней девочка с улыбкой дельфина.

– А мама твоя где?

– Уснула. – Девочка взяла Ингу за руку. – Ты куда?

– На море.

– Не ходи одна, там серый волк.

– На море нет волков, там дельфины.

– Возьми меня.

– Тебе нельзя. Ты с мамой пойдёшь завтра. Я ведь не твоя мама!

Инга петляла по берегу реки. Река эта имела странное название – Скорпион. У этой горной реки было особое течение. Река Скорпион была совсем не похожа на ту реку, где Инга выросла и где почти нет никакого течения. Она, глядя, как мальки форели смешиваются с серебристыми острыми камешками в бурном потоке, вдруг вспомнила его взгляд, такой же стремительный, пронзительный и острый. Вспоминать было и приятно, и больно. Она, как королевский малёк, тоже не смогла удержаться на мелководье своей жизни.

И вот река незаметно вновь вывела её к морю. Инга бросилась в волны. «Море! Я люблю тебя! Благодарю тебя, море, что я здесь, – поднималась она на волну. – Благодарю тебя, волна! Море, как долго я ждала тебя».

Она плыла дальше и дальше, не оглядываясь, не боясь, не думая. Мысли остались там, за границей воды и песка. Этот водный хаос, казалось, подчинил её своей власти и успокоил.

Вдруг она услышала шум, крики с берега. И перед ней, в десяти метрах, возникла блестящая выгнутая спина. «Дельфин?» – удивлённо прошептала она. Но он сразу погрузился в пучину. Что там? Под водой? К ней стал подниматься из этой пучины страх, останавливая время.

– Я спасатель, – плыл к ней человек в маске. – Не бойтесь.

Вечером в виноградном туннеле Ингу встретил армянин (хозяин гостиницы) и опять предложил перейти в другую комнату, чтобы больная девочка ей не мешала. Он сказал, что подселять к ней никого не будет. Хозяин был гостеприимный армянин.

– Я люблю детей. Спасибо, – вежливо отказалась Инга.

Своих детей Инга не успела родить: жених погиб, как это теперь называют, в одной из «горячих точек».

Через неделю Инга вернулась домой. Кофейная гуща в чашке засохла, сжалась, как шагреневая кожа. Но, когда она привезла из деревни свою маленькую собачку, которая искренне радовалась её приезду, жизнь вернулась в прежнее русло.

Сергей позвонил через три дня, поздравил её с днём рождения.

– Ты откуда узнал?

– С твоей страницы. В интернете, как и в Греции, всё есть.

Она пригласила его на вечер – девичник. Он вежливо отказался, сославшись на командировку. Но, когда гости перешли к десерту, неожиданно раздался звонок в передней. «Даже без цветов», – с горечью отметила Инга.

Как-то быстро ушли подружки, они остались одни.

– Я не понравился твоим подружкам, – заметил он, звякнув ложечкой в кофейной чашке. В той самой чашке, где она

нагадала роман на кофейной гуще.

– С чего ты взял? В конце концов, ты друг, и я вправе сама сделать выбор.

Инге казалось, что и он сделал выбор, их курортный роман будет продолжен. Ведь она так рада его видеть. Но почему же он молчит?

И тут она поняла: он любит власть над женщиной. Там, у моря, она почувствовала какую-то заботу о себе, связанную, может быть, не с деньгами, а с чем-то большим, важным, необходимым. Казалось, он умеет разумно пользоваться той властью, которую чувствует над ней. Он был всегда такой любезный, целовал руки, ухаживал. И уехал.

Они встретились. Его глаза изменились, властные глаза стали жёстче, и они словно говорили: курортный роман – это просто курортный роман. Он сказал, что живет в Москве давно, зарабатывает деньги, что жить на такую зарплату ему стыдно. Он пришёл попрощаться и честно сказал, что эта встреча последняя.

На выходные Инга поехала в село, где она выросла. Рядом с их домом, где жили отец, прадед, дед, был храм. В храме молились о благополучии жизни и благодарили Бога за каждую земную радость. А потом в храме иконы сняли и там хранили обычное зерно, очищенное от плевел тяжёлым крестьянским трудом. И она, когда была такой, как Галя, весело прыгала с ребятишками сверху в зерно и хохотала. В зерно-

хранилище работал её дедушка.

Теперь самое приятное впечатление давала река. Несколько лет назад рядом строили дорогу, и песок для работ брали из старого русла реки, так старица помолодела, очистилась, расширила свои берега. Но нет течения в Старице, она скорее не река, а пруд.

Прошло тридцать лет, в храм вновь вернули иконы.

Августовское солнце заходило медленно, облака розовели, словно рябиновые грозди, горела полоска леса от погружения пламенного солнца, в багрянце была и Старица, удивительно отражая игру предосеннего неба.

Она встретилась с подругой детства.

– Может ли быть явлена благодатная любовь из романа на кофейной гуще?

– Мираж любви, – сказала писательница романов, которые редактировала Инга. – Расскажи всё. Дай мне сюжет для небольшого рассказа.

Инга начала рассказывать, и в её памяти вновь стала оживать река с серебристыми королевскими рыбами, которые, резвясь среди сверкающих камешков, не замечают, как течение уносит их в море.

– Это не та любовь, которую я искала, – усмехнулась Инга.

– А что это было?

– Так. Роман на кофейной гуще.

– Ты дашь мне в долг. До гонорара. Помнишь: «Я деньги истратила, теперь придётся отдавать свои».

– Ты репортёр от воображения.

– Я? – писательница округлила глаза за приклеенными ресницами. – А ты?

– Ста истин нам всего дороже нас обжигающий обман.

– Возвышающий.

– Кого обман может возвысить? – И засмеялась: – Читайте и перечитывайте классику.

Прошло время. Инга смирилась: справилась с одиночеством, с беременностью. Родила сына. Её тревожило только то, что мать погибшего жениха требовала, уговаривала сделать ДНК-тест. Вот пришло время ясности.

Инга проснулась в шесть, накинула халат, в котором была в свадебном путешествии (как она говорила подруге детства). Лёгкий туманный свет уже лежал розоватой полоской на картине «Буря на море ночью».

Сегодня она пойдёт в клинику, где всё станет ясно. ДНК-тест уже сделали. Так просили родственники жениха.

В двенадцать часов на программе, словно на шоу, публично, им объявили – Девяносто девять и девять десятых процента, что отцом ребёнка является…

– Жених, который остался на войне? – прошептала Инга, вытирая сухие слёзы.

– Его сын мне дороже собственного сына. – Сергей обнял её и тихо сказал: – У меня онкология. Вот и лысый я. И на войну не взяли. Прости.

– Жизнь продолжается, – заплакала с улыбкой мать жениха. – А война ещё не кончилась. У сотрудницы сын-офицер в плену уже год.

– Пусть у ребёнка будет три бабушки, – сказал кто-то из зала.

Аплодисменты.

Дикие утки

Любовь – это неизбежность вечности.
Вечность – это неизбежность любви.
Константин Кедров

Санаторий находится в часе от ВДНХ. Оттуда прямым рейсом не на самолёте, а на автобусе вы доберётесь до островка отдыха. На такси можно застрять в пробке ещё на Садовом кольце. Анатолию хотелось лёгкости и расслабленности. Путёвка на три дня. За это время далеко не улетишь.

Подъём настроения начался в автобусе.

– Подскажете, когда выйти у санатория? – спросил он водителя.

– Садитесь. Скажу.

– О-хо-хо! – то ли вздохнула, то ли обрадовалась пенсионерка в белой панаме. – И я там выхожу. Вы в санаторий «Чехов»?

– Нет, – глянул он удивлённо на даму уважительного возраста.

– Как вас зовут?

– Анатолий.

– О-хо-хо! Толечка, значит. Я учительницей младших классов сорок лет отработала. Простите. Пушкино. А я из Чехова, вот и крутится на языке: Чехов, Чехов. Я там живу

в доме, которому сто семьдесят лет.

– Кому? Чехову или дому? – засмеялись студенты на последних местах.

– Такие уважаемые дома есть ещё? – откликнулась девушка справа.

– Медведевские спальни, этот дом называли Белые спальни, или просто Хива. Помещик построил во времена отмены крепостного права.

– А его разве отменили?

– Сейчас круче. Ипотечное право.

– Бежал народ от донских помещиков. Тут-то его и подбирали на Лопасне новые буржуа. И на свои фабрики пристраивали ткацкие, ситценабивные. И жили тут же, при фабриках. Стояли белая спальня и красная спальня до нашей перестройки.

– Перестроили спальни крепостные?

Учительница-пенсионерка серьёзно начала объяснять. Она радостно улыбнулась молодёжи, словно своим ученикам:

– Дом перестроили, на два этажа выше стал. А газ не подключили. Зимой четырнадцать градусов в квартирах. Отдыхать еду от этой перестройки в санаторий. Вы тоже?

– Тоже, – ответил Анатолий, глядя в окно.

– Однажды я летела на маленьком самолёте-кукурузнике. С нами бабушка, как я, только с козой со своей. И мы попали в грозу. Нас стало кидать. Коза вырвалась и носилась, то на

меня прям на грудь падала, то со спины бодает, то на лётчика. Вышли, а лётчик говорит: «Думал, вас не довезу». Пот течёт, как слёзы, ручьями. Я два раза в своей жизни видела настоящих мужиков.

– Два раза? – удивилась девушка.

– А зачем козе баян? – вставил мужик. – Я там пьянею от кислорода.

– Главное в санатории – жильё и питание. Я жил в военном санатории, так подселили одного прапорщика, он и по ночам кричал: «Смирно! Налево!» Пока на армейском языке не скажешь ему что-нибудь, не поймёт.

– Вы знаете арамейский? О-хо-хо! Удивительно! И понимал ваш военный сосед?

– Ещё как! Миллионеры летят в Шри-Ланку. А нам туда не надо.

– О-хо-хо! Не завидуйте им, мы дольше жить будем.

– Зависть – хорошее чувство: один убегает, другой догоняет. «Собаки и другие люди» не читали?

– Прилепина?

Анатолий молчал, он бежал от суеты, напряжения, работы. Бежать, бежать от столичной карусели. Иначе он сойдёт с ума от студентов или заболеет от преподавателей и не допишет книгу в срок. Он бежал как Рубцов, Прасолов, Астафьев от Останкинской башни, которая давила их. Он жил в комнате Рубцова в общежитии Литинститута, когда учился на ВЛК. Вот это было время: голодные, но счастливые. Не

верите?

Вышли. Анатолий взял чёрную сумку дамы в белой панаме в одну руку, свой чемодан на колёсиках в другую и покатил мимо парковых столбов с круглыми матовыми фонарями.

– Я вам так благодарна. Как вас зовут?

– Анатолий, мы же уже знакомились.

– А отчество? Я без отчества не привыкла: в школе преподавала.

– Просто Анатолий. Устал от отчества в институте.

– А кем вы работаете? – почтительно спросила она.

– Ректором.

– О-хо-хо! – на мгновение брови её поднялись, а челюсть опустилась, и она почтительно замолчала и стала думать: «Был во времена прошлых веков культ личности и был культ образования. Великий эксперимент эпохи! Третий Рим. А тут проехали магазин „Четвёртый Рим“. Да, чуден мир. Детей крестьянских учить стали по программам дворянским, академическим, университетским. По программам Ленина – Сталина».

По дорожке идёт мужчина, ещё не старый, но уже далеко не молодой.

– Вы социки или люксики?

– Кто?

– Деньги платили за путёвку?

– Нет, – ответила учительница, словно виновата перед

кем-то.

– Значит, социки.

– А вы кто?

– Спортом надо заниматься, чтоб не опускаться. Когда идёт разделение на миллиардеров и нищих, то такое общество падёт, как Вавилонская башня. Дети не перенесут такой растяжки, падут. Бедных больше, чем униженных и оскорблённых.

– А вы что, философ?

– Сократ. Голодные пчёлы в засуху накинутся на сладких богатеев. А должно быть равновесие в природе. Пожалейте своих детей и внуков, поделитесь с бедными.

– А униженные – это не всегда оскорблённые. И бедность не порок.

– Сидит социк на скамейке у столовой. Приехал люксик, мимо идёт, останавливается и спрашивает: «Как отдыхается? Как кормят?» Вскочил радостный социк: «Дашь хлеба – скажу!»

– Непонятно.

– Сейчас в санатории живут социки и люксики. Отдыхающие делятся на две неравные части: одним пальмы, другим пальмовое масло.

– А вы к какому лагерю принадлежите?

– Я старый военный пенсионер. Тоже бесплатно отдыхаю. Здесь процедуры неплохие. Где спать – какая разница нам? Социки с нами живут, вон в том сером корпусе. Там раньше

рабочие жили.

– А там лифт есть? – с надеждой спросила она.

– Чего захотела! Говорят, что пешком полезно подняться до пятого этажа.

– Полезно подняться до пятого этажа? Как? Кому?

– Пойдёмте я вас доведу, помогу поднять ваш чемодан.

– Это не чемодан, – педантично заметила учительница. – Сумка на колёсиках.

– Бабка с сумкой на колёсиках.

– Кто?! – возмутилась учительница. – Я?

– Не обижайся, мать. Так нас, социков, зовут.

Ректор молчал. Он пошёл в другую сторону, мимо фонтана, домика для белочек, по дорожке между европейскими газонами и заморскими цветами.

Ректора заселили в полулюксе.

Анатолий открыл окно проветрить и вышел. Он шёл мимо лип, которые вот-вот зацветут. Июньский день тёплый. Лодочная станция. Утки снуют между катамаранами в поисках хлеба.

Сегодня открытие сезона на прудах, и начальник лодок при форме.

– Почему одна педаль не работает? – кричит с катамарана мужчина.

– Вы бы сразу поменяли. Пришвартуйтесь справа.

У лодочника колени в наколенниках. Моет днище лодки тряпкой.

– Утки ныряют. Запустили всякой рыбы мальков.

– Удочки-то есть? – спросил отец подростка.

– Вы моряк или рыбак? – спросил подросток.

– Удочки напрокат возьмите. Заплатите и ловите. Я не моряк, я – лётчик. Была у меня новенькая стюардесса. Первый день работает. Самолёт разгоняется по полосе, я говорю новенькой: «Сообщи пассажирам, что взлетаем». Та берёт микрофон: «Уважаемые пассажиры, сейчас наш самолёт взлетит на воздух!»

– Я не люблю «на время», – сказал ректор и подумал, что пенсионерам кажется, что и утки, и белки голодные, и они, как подранки, подворовывают хлеб из столовой и подкармливают дичь. Жирный селезень готовится жизнь кончить попекински и отгоняет серых уточек от угощения. Он с весны не ныряет за рыбой и не ловит лягушек.

Подплыла утка с утятами. Селезень в пяти метрах от них рассекает гладь веером.

– Пруды тут с одиннадцатого века.

– С четырнадцатого.

– Эх, летят утки и два гуся…

И вдруг селезень взлетает, машет кофейными крыльями, пересекая пруд.

Утка ждёт угощения.

– Держи крепче кусок! Держи!

Серая шейка выхватила булку у малыша.

– На! – кинула мать кусочек. – У, какая утка! Как домаш-

няя!

Двухгодовалый мальчик тоже крикнул:

– На!

Но утка быстро косолапила к воде. Он – за ней. Утка нырнула, мальчик – за ней.

– Мама!

Свалился к уткам. А!!! Вытащили. Голова зелёная.

Поспешили в номер отмывать малыша.

– А когда отстрел уток?

– А вам зачем? Тут стрелять нельзя.

– Ружьё, которое на стене, должно выстрелить, – он вспомнил Чехова.

– У кого висит?

– У писателя.

– Где висит? Здесь?

– Дома.

– И пусть висит. Вам зачем знать, когда оно выстрелит?

– Я учусь стрелять словами. Мне одна монашка сказала, что писать надо так, как стрелять… в лоб!

Лодочник отошёл. Парочка прошла, держась за руки, словно пионеры. Отошли шагов на десять, поцеловались и обнялись.

Идёт директор со свитой, один в окружении молоденьких девушек-куколок.

Учительница за ними. Теперь секретарша не скажет, что директора нет.

– Опять утки. Их же булками кормить нельзя.

– У нас в Чехове каскад прудов, и рядом поставили автомат с зерном для уток. Покупают и кормят овсом. Дети любят кормить уток.

– Утки да белки дрессированные. Больше ничего тут нет. Пчёл нет.

– Трасса рядом. Пчёлам чистый воздух нужен. Вот их нигде и нет.

Комфортно себя Анатолий чувствовал на мостике.

Кукла в шляпке розовой и с приклеенными огромными ресницами, как у жирафа, опять качается на мостике.

Анатолий вернулся в свой номер, лёг отдохнуть на полчаса и уснул. Проснулся в пять утра. Странный сон, который он пытался вспомнить, ускользал. Помнит только, что звучало скерцо. И он был первой скрипкой. Он взял чистый лист бумаги, но вместо слов на бумаге появлялись ноты.

В девять часов утра он вышел. Пожилые пенсионеры медленно подтягиваются к столовой номер два, в которой в прошлом году питались рабочие.

У входа присаживаются на скамейки, ждут, обмениваются новыми впечатлениями. Вошли, теснясь по старой пролетарской привычке.

– Шаг влево, шаг вправо… – усмехнулся человек из Армавира, разглаживая вертикальную морщину между бровей. – Останешься голодным.

– Директор нас любит, – мелькнул блеск в глазах учительницы.

– А как это проявляется?

Все засмеялись. Между омлетом и вторым – почти полчаса. Принесли варёную капусту с сосиской.

– Я что, вас должна вначале покормить, а дети есть не хотят? – грубо успокаивала их официантка.

Тележка, громыхая, как в пире во время чумы, подъехала к длинному, от стены до стены, столу.

– Разбирайте быстро! – на хорошем русском командовал детьми молодой африканец.

Потом поднял руки вверх, растягивая позвоночник, повёл плечами.

– Дочке хотел первой позвонить. Трубку не берёт, – делился сотрапезник с учительницей.

– Какао есть. Какао любите?

– Люблю. Но я посмотрела на ваш стакан. Лучше чаю выпью, – смирилась учительница. – И запеканку есть нельзя. Подгорела.

Учительница встала, понесла тарелку официантке. Официантка бычьими плечами повела и красными глазами уставилась на капризную пенсионерку-социка.

– Замените, пожалуйста, горелую запеканку: мне нельзя.

– А это куда? Выбрасывать? – уставилась официантка красными глазами, вытирая нос тыльной стороной руки.

Учительница медленно подошла к раздаточному столику

с заваркой и кипятком.

– Здесь нельзя брать чай! – прорычала женщина-бык. – Здесь для детей.

– Извините, я не знала. Как вас зовут?

– Вам зачем? Ешьте! А то и капусты не будет! Война идёт.

Вернулась за свой столик учительница, сняла белую панаму.

– Настроение испортили.

– Банан забыл! – кричит сосед другому соседу. – Интересно, вспомнит посреди дороги? Вернётся или нет?

Расписание мероприятий по культурному отдыху висит перед входом в столовую. Сегодня – джаз. На сцену вышли саксофонист и скрипач. Саксофон то плакал, то смеялся, то пускался в африканский безудержный пляс. Скрипка была как сопровождение и заполняла паузы, когда саксофонист уходил за сцену отдышаться и выпить два глотка.

Анатолий был один, и даже перед ним пустое место. Ему было обидно: скрипка – королева – и на вторых ролях. Он оборвал свою музыкальную карьеру, когда понял, что первой скрипкой ему не быть. Чуть не разбил свой бесценный инструмент. Повесил скрипку в футляре на стену, может, когда-нибудь выстрелит. Поступил на Высшие литературные курсы при Литинституте. Писал, правил до седьмого пота, как на скрипке репетировал. И говорил себе: «А без меня оркестр неполный». Под музыку он фантазировал, рождал

сюжеты и образы.

А со сцены льётся скерцо и выдаёт всевозможные оттенки музыкального юмора. Но если харизмы нет, то и юмора нет. Карьера ему улыбнулась, он стал профессором, ректором, лауреатом престижных московских премий. Но студенты слагали о нём пасквили и анекдоты. Он считал, что это зависть неудачников. Общался только с теми, кто ему льстил или кому платил за «критику» его книг.

И вот он увидел, как по залу, точно по тёмной аллее, идёт его студентка. Села перед ним, тихо напевая: «Кругом шиповник алый цвёл…»

В середине концерта он хотел уйти чуть раньше, чтобы она его не увидела.

Только он приподнялся – она обернулась.

– Вы? Мой профессор! Здравствуйте, Анатолий Алексеевич.

– Тихо. Мы мешаем. Слушай скерцо.

– Когда я могу услышать вашу скрипку?

– Здесь санаторий, а не зал Чайковского.

– Но играют же люди. – Он ей казался смешным, как плотник папа Карло, длинный, небритый. – Я балдею.

– Я не артист, я не вожу скрипку с собой.

Аплодировали стоя, двигаясь, чтобы побыстрей выйти из душного зала.

– Сейчас. Минуточку. – Она проникла за кулисы и вернулась к нему. – Я договорилась. У вас будет пять минут. Вы-

ходите на сцену.

– Ты с ума сошла! – Он быстро встал и ушёл из зала.

Она за ним, как заводная, и от неё шла какая-то ритмическая пульсация, словно музыкальный шлейф. – Я пишу «Книгу одного дня», – разоткровенничалась она. – Вы такая находка для меня. Где вас поселили? Неужели с социками? У меня чудный кофе, шоколад израильский, горький. И бренди. Пойдёмте жить в мой люкс, там три комнаты. И будете вы наказаны теснотой. Я балдею.

– Ты что? Сбрендила? Что за импровизация?

У неё в руках на английском Рэй Брэдбери.

– Читаешь в оригинале?

Вышли из зала в фойе с огромной люстрой.

– Какое убожество, – сказала она. – Кто я?

– Ты же не люстра.

Советское наследство: ковры зелёно-красные, истёртые, санаторные, велюровые кресла скрипучие, занавес бордовый и не мытая тридцать лет люстра.

– Вы что хотите, деточка? – остановился он, глядя в её кукольные глаза-линзы и приклеенные ресницы.

– Я совершеннолетняя. Не бойтесь меня, я просто игрушка.

Она живёт на Рублёвке, в соседстве то ли с Волочковой, то ли с Пугачёвой. У неё сумочек целый шкаф, и дешевле, чем триста тысяч, нет.

– Жизнь – театр, и все мы актёры.

– Все? – удивилась она. – Здесь зрители, а там, за рампой, актёры. А вы где?

– Я в этом балагане не участвую.

– Хотите остаться зрителем. Билет купили?

«Мой папа может купить любого ректора, – и подумала, а линзы глаз были холодными, тусклыми. Он ей казался смешным. – Он – Дон Кихот, длинный и неуклюжий.

Территория санатория была сплошной зелёной площадкой, казалось каждому новичку. Богатство характеров, судеб и талантов, порождающее литературную полиритмию. Студенты платят за обучение. Они пренебрегли литературной начитанностью, техникой, благодаря чему современная литература стала противоположностью классической, образцовой литературы.

– Хотите увидеть, какой здесь люкс? Писатель должен знать всё.

На мгновение ему показалось, что она угрожает его карьере. Идти или не идти? В люксе, действительно, было три комнаты, где она жила одна.

Девушка заварила кофе и стала читать свой роман одного дня. Он зевнул. Рассказ Чехова «Драма» разворачивался почти по тому же сюжету. Ректор подумал: «Надо уйти, до финала „Драмы“».

Она продолжала читать свою драму. Акт второй.

– Понаехали социки, мрак! Почему у нас общий бассейн? А почему одно солнце?

– Сюда что, привозят тех, кто умирает? На пляже их полно валяется. – За занавесом ресниц глаза, казалось, умирали.

– Всем места под солнышком хватит.

– Я заплачу вам пятьдесят тысяч за консультацию, господин профессор.

– Отдохнуть хотел.

– И за сегодня пятьдесят. Вы дали мне вдохновение. Надо быть великодушным, папа. И не критиковать мой недоделанный рассказ.

– Пойдём на свежий воздух, Кукла.

Вышли на лоджию.

Вечер. Померк блеск настурции, георгин, бархатцев и белых маргариток. Усилился шоколадный аромат цветущего каштана. Какие тихие, мягкие тени.

– Я – Кукла. Кто оживит меня? Даже Буратино стал живым и прожил свою жизнь деревянную. Надо жить в лёгкости.

– Жизнь течёт медленно, а пробегает быстро, – собрались морщинки у глаз Анатолия, глаза засверкали. – «Крейцерову сонату» читали?

– За что муж убил жену, не понимаю. Она имела право жить своей жизнью.

– Он тоже право имел. Она его жена. Из ребра.

По санаторию бегал чёрный человек, гасил фонарики…

Профессор подумал, что здесь хорошо, что у него отдельный номер. Полулюкс.

Скерцо звучало откуда-то сверху, словно исполняли его птицы. Ректор-профессор проснулся на двуспальной кровати один. Обнял подушку и почему-то вспомнил Куклу. Он вдовец второй год. И Кукла была бы кстати.

Шум дороги и весенний щебет птиц. В день заезда – эйфория, новизна, надежда на что-то хорошее. Кто-то вышел на балкон. Напевает? Ему стало весело. Так это не она выслеживает его, а судьба. Чудеса.

Палас круглый. Люстра шесть рожков, не блестит, как хрусталь. Нет коврика у кровати. Между окон длинный стол с зеркалом. Парикмахерская здесь была, что ли? В двери нет ключа, закрыться и уединиться можно только в туалете. В кухне плита, чайник. Телевизор и диванный уголок. Медленный, белый подходил рассвет.

Вышел на балкон. Коррида. Бык бежит. Он красным покрывалом отводит его в сторону и чувствует его дыхание. К чему эта коррида? Вчера он спросил ключ, ему ответили, что ключей нет. Он удивился: «Так нормально? Паспорт где оставить?» Ответ: «Там оставьте. Нормально».

Утренние сумерки забрались за занавески, в щели дверей.

Вошёл без стука кто-то.

– Я подполковник.

Он ей не понравился:

– Меня не интересует ваше звание.

– Я здесь буду жить восемнадцать дней. Я рано встаю, часов в пять. Вот и приехал пораньше, пока жара не началась.

Хотел заснуть. Стал считать овец. Одна овца говорит: «Доброе утро, Толечка!»

В кресле перед ним сидела Кукла и смотрела на него детскими глазами.

Он встал.

Сел в кресло, напротив.

Она взгромоздилась ему на колени.

– Я кукла, можешь играть мной.

Она закончила читать свои дневниковые записки и посмотрела на него, ещё не выйдя из образа прочитанного.

Вдруг началось настоящее скерцо. Она легла, разбросав руки и ноги, словно во сне. Он подумал. Оттолкнуть её – значит потерять работу, карьеру, комфортную жизнь в Москве. Он знал, кто её отец.

Может, она во сне? Её нельзя трогать, как спящую. Думал профессор. Из эстетики рождается этика. Нельзя трогать, пока не проснётся. Что-то писал об этом Бунин. «Дурочка». Молоденькая кухарка на нарах спала. От страха даже не крикнула. Шестнадцатилетняя Таня не проснулась. Только, когда поняла всё, разрыдалась. И Стёпа молилась: «За ради Христа. Не надо». Великий гуманизм гениев как откровение. «По городу бегал чёрный человек. Гасил он фонарики, карабкаясь на дерево. Медленный, бледный наступал рассвет…»

Вдруг Кукла стала биться.

Он испугался. Бросился к внутреннему телефону.

– Врача!

Подошла медсестра.

– Держите её за руки и за ноги, голову прижмите, чтобы не билась. Это эпилепсия.

– Лекарство какое нужно? У меня с собой есть. От сердца.

– Не нужно ничего. Само пройдёт. Мы её знаем.

– Я к ней не притрагивался.

– Мы знаем её. Здесь видеокамера. Вы идите, я здесь останусь, пока она не придёт в себя. Это моя работа.

Анатолий подумал, что это не тот оркестр, в котором он бы хотел быть даже и первой скрипкой. Тут какой-то языковой овраг, голая баба. Так можно с ума сойти с ней.

Зашёл в свой номер, лёг и уснул мгновенно, словно сознание потерял.

Утром отдыхающие потянулись на процедуры. У соляной пещеры собралось человек десять. Анатолий сел с краю.

– Ходит как иноагент.

– Как?

– У иноагентов походка другая, чем у нас.

– Да какой он иноагент? Он денщик из Мопассана.

Ректор промолчал.

– Забылся в человеке человек, как говорил Виктор Астафьев.

– Себя жалко.

– Себя жалеть не надо.

– Вы прям как Бубновский.

– Среди больных – о болезни. Среди здоровых – о жизни говорят. Поэтому и настроение такое здесь.

Пригласили в соляную пещеру. Зашли. Стены и пол из соли. Восточная музыка. Закрыл глаза, расслабиться. Но мысли-скакуны проносились со всадником без головы. Была скрипка. Скрипел восемнадцать лет. Концерт для скрипки с оркестром (Чайковского) играл без нот. Детства не знал. Мама работала в музыкальной школе. Перед экзаменами семь потов проливал. После Гнесинки два года на ВЛК. Писатели из Гнесинки захватили Союз писателей Москвы. Скрипки, виолончели, клавишные… Клавиши и струны им не покорились. Слова как ноты. Хлынул поток запрещённой литературы и смыл классику.

На середине процедуры вошла Кукла в синей шапочке, в синем одноразовом халатике и в бахилах. По времени – надо идти к терапевту. Около кабинета на старом затёртом советском кожаном диване ожидающие.

Врач-терапевт посоветовала: «На ужине пить надо ваше лекарство. В свиной печени больше гемоглобина, чем в говяжьей. Печень индейки – неплохо. Голяшки варите, в них гемоглобин». У фонтана санаторное общество.

– Настроение поднимают бельчата. Смотрите! – радостно воскликнула Кукла.

Учительница опытным взглядом оценила: с девочкой что-

то не так. Девочке-то уже далеко за двадцать. – Как вас зовут? Вы такая красивая, как кукла.

– Я и есть Кукла.

– Красивая куклёнок. – И подсела к ней. – У вас была такая игрушка в детстве?

– Меня мама бросила.

– Прости, Кукла.

– Она меня не хотела, у меня есть только папа. Он мне всё покупает, что я скажу.

– Любит?

– У меня сумочек двадцать шесть.

– Зачем так много?

– Они дорогие. Подарки на Новый год.

– Кукла? А как тебя мама назвала, когда родила?

– Она меня не родила, а купила у бедной женщины.

Две белки бегают друг за другом. Учительница в белой панаме даёт белке нечищеный арахис. Взяла, убежала, хвостом махнула. Хитрая. Прячет.

Кукла – за белкой. Фотографирует.

– Вы писатель? – подошла учительница. – А почему социков кормят одной капустой, а у люксиков – шведский стол, икра каждый день?

Анатолий встал и пошёл куда-нибудь.

Шла дама с мальчиком. Она дёргает сына за руку и строго говорит:

– Это грязный номерок, его в рот не кладут, ты как гру-

зинский политик.

Мальчик словно не слышит.

Пенсионерка не выдерживает:

– Мама тебя любит. Она хочет, чтобы ты был интеллигентный мальчик, пальчик в рот брать некрасиво.

– Он не поймёт, он даун, – обида в голосе дамы, она бьёт его по руке. – Нельзя!

Через полчаса рядом с ректором оказалась его студентка.

– Я купила тебя, как дорогую эксклюзивную сумочку. За триста тысяч. Ты мой.

– Сумочка ты или коробочка – мне всё равно.

– Если бы я жила сто двадцать лет назад, я бы…

– Чтобы что? Достоевский уже всё написал про то время. Эмоциональная заразительность: плакать, смеяться, бояться. Пиши о том, что сегодня.

– О войне?

– «Война и мир» тоже написаны. И «Пиковая дама» уже есть. Пушкин говорил о трёх струнах, на которых надо играть писателю: ужас, сострадание, смех. – Если бы я могла влиять на будущее, я бы всех революционеров, как бесов, в свиней загнала. И бросились бы они в море и погибли в воде.

– Да. «И они, выйдя, пошли в стадо свиное». Пастухи же пошли и рассказали обо всём, что видели, хозяевам свиней. «И вот весь город вышел навстречу Иисусу; и, увидев его, просили, чтобы Он отошёл от пределов их». Вот пришли бы

жители и прогнали бы тебя из Гергесинской страны.

– Я жила в Лос-Анджелесе, в Иерусалиме, в Мадриде почти двадцать лет. Вернулась в Москву. Зачем была ваша перестройка, если пенсионеры хлеб воруют в столовой?

– Они уток кормят.

– Я видела сама, как они хлеб едят на улице.

– Извини, я должен в библиотеку сходить.

Анатолий десять минут искал библиотеку в лабиринте переходов и лифтов.

– У нас ещё архивы не рассекречены. Пабло Неруда здесь был. Косыгин лечился, – с благоговением говорила библиотекарь.

– А писатели?

– Паустовский здесь был до самого конца. Василий Песков. Матушка Светлана из Иерусалима.

Ему захотелось кофе, и он пошёл в бар, бормоча: «Солнце золотит верхушки сосен. Журчит фонтан, напоминая скрипки звуки, и окропляет веером прохлады, жару гася, как солнечный цветок».

Анатолий поймал строки, прилетевшие к нему откуда-то, записал.

Вот изящная чайка рассекает воздух и кричит, как младенец, защищая своё гнездо от коршуна. Машины шумят за занавесом лесным, самолёты летят низко-низко. Над прудом подвесной мост вибрирует, как капитанский мостик в Одессе.

Через полчаса он вызвал такси и уехал.

Запах смолы

Награждение – радостный миг славы, и если любишь своё дело, то идёшь к нему всю жизнь. Мы ведь постоянно летим в космическом измерении, а кажется, что мы сидим, лежим, ходим на работу, потому что все ощущения у нас земные.

Земля – единственная наша Родина. Но полёт воображения безграничен, как мечта. Что же такое мечта космонавта? Парашютный прыжок? Нет. Это приземление из земной атмосферы на Землю. А вот приземление на Луну – это уже, друг мой, высший пилотаж. Как свадебное путешествие в Южную Африку или на Северный полюс. Моей первой любовью была моя жена. Ух и полетали мы с ней! Смотри, смотри, куда летишь!

– В космосе всё по-другому.

– Что всё?

– Это как крещение огнём.

– Атмосферно там?

На молодёжный сленг космонавт отвечать не стал, а просто стал вспоминать свои молодые годы.

Через час – приземление. Георгий мечтал побывать в космосе, но как это сделать? На парашюте за триста метров от земли картинки начинают превращаться в объём: в деревья, в дома, в сугробы. А как это – смотреть на Землю из космо-

са? А приземление с парашютом – это просто, как дважды два. Готовиться нужно к приземлению: ноги поджать, стропы развернуть, чтобы видеть, куда приземляешься. А в иллюминаторе – другое: там шум, там искры с кулак, там прохождение через огонь.

И вдруг голос:

– С успешным приземлением, космонавт Филипченко!

Не ответил, ему казалось, что это счастливый сон.

– Сегодня 8 декабря. Как погода на Земле? Нравится?

– Метель! Холодно, – ответил, раздумывая, вспоминая. – А я люблю время, когда цветёт серебристая ель.

– А настроение какое, Анатолий Васильевич! Как Земля из космоса?

– Голубая. Такой Земли больше нет в космосе! Рай здесь – на Земле! А там – края нет и нет, лети-лети. И насколько далеко, никто не знает! И несёмся мы со страшной скоростью.

Кто это говорит? Зампомощника главного управления? «Тебя, Филипченко, прочат на моё место». Метель, холод. Тёплую одежду сразу дали. «Работай спокойно, – успокоил его космонавт. – У меня своё место. В небе».

Поёт зима, аукает, как и тогда, в 1974 году. Зимой люди ближе к теплу, к дому, друг к другу. А хорошо, когда все вместе. Радость в ожидании весны.

– Сегодня – день вашего второго приземления, Анатолий Васильевич. – Журналист гордился среди своих, что прыгал с парашютом и что сидел в музейном спускаемом космиче-

ском аппарате. Это подлинный экспонат в музее.

– Да, по этому случаю надо бы рюмочку… – вздохнул с облегчением, улыбнулся мудрыми глазами. – Счастливый случай.

– Второй ваш полёт завершён.

– Господи, выполнил. Блестящее выполнение заданной задачи. Я – лётчик, привык к опасным ситуациям. Семь раз был на краю. Меня искрами с кулак не напугать.

– Что спасало?

– Работа. Задача в небе – искать мгновенный выход из ситуации. И найти.

– Характер помогал?

– И характер! И тренировки. И комиссии постоянные. Какой ты? Не псих? Если на машине женщина или мужчина – сразу видишь кто. Психология важна.

Как Анатолий выбрал эту опасную профессию, вспомнить – окунуться в детство.

В детстве – техническая станция в Острогожске, для пятого класса – авиамодельный кружок. Восторг, полёт души – сам собрал первый деревянный летательный аппарат. Воронежское детство всплывало в памяти как счастливое время, если бы не было войны.

После космических полётов понимаешь: мы со страшной скоростью несёмся – тридцать километров в секунду. И чувствуешь, что Солнце двести десять километров в секунду во-

круг центра Млечного Пути крутится. Всё летит в тартарары. Рай тут, на Земле. Там космические излучения превратят человека в животное. Главное – защитить мозг. Мы на четыреста километров, а на пятьсот – пояса радиации спасают. Искать нечего там. Исследовать можно.

– На космическом корабле «Земля» долететь от Москвы до Сергиева Посада за две-три секунды. На «Солнце» от Москвы до Острогожска – за три секунды: раз, два, три… – пошутил молодой журналист.

– Беречь Землю, и никаких войн! Война – этого не должно быть на Земле!

Во время Великой Отечественной войны Толик был учеником у токаря, где в цехе работали одни пацаны. Отцы на фронте. Заболел инвалид-бригадир, пятнадцатилетнего Толика в ночную смену за мастера-бригадира поставили. Доверяли пареньку за его характер.

…После школы предлагали и в академию Жуковского. А это было не важно. А важно – летать. Захотел, и всё!

– Вы сильная личность, – удивлялся начинающий журналист. – Вас надо на вершину пирамиды Маслоу поместить.

– У каждого своя пирамида и своя правда. Тот, кто хочет, – тот стремится. Лётная работа истребителем или испытателем – это когда ты за всё один отвечаешь.

– Когда думаю о полётах ваших: вы лидер и на Земле, и в космосе!

– Она же маленькая. Земля наша. И хрупкая. В сутки шестнадцать раз видишь восход солнца. И тебе не уснуть. Летишь восемь километров в секунду. – Он вспоминал, что переживал там, в космосе. – Утро. А вместо душа салфетки. Завтрак – ни крошки не оброни. Береги воздух.

И молодой журналист представил стелу «Покорители космоса» на аллее Космонавтов. Осенью он там писал статью, сидя у серебристой ели, и потом, уходя, поднял две шишки. Смола серебрилась и пахла как-то особенно.

И вспоминал ветеран космоса свои полёты, и вновь осмыслял.

Нельзя разрушать на Земле экологию. А термоядерные взрывы всё уничтожат. Видел из иллюминатора: искры с кулак, и огонь, огонь, огонь. Схождение до огня. Находятся идиоты. Разные же люди. Были князья, императоры. Все стремятся овладеть ресурсами. Сейчас другие Наполеоны и новые кибер-Гитлеры… На вооружение всё идёт. А народ? Борьба за ресурсы. А Россия самодостаточная. Имеет свой запас газа на сотни лет вперёд. Но народ бедновато живёт. Это поразительно! Такими ресурсами обладаем! «За державу обидно», как из советского фильма «Белое солнце пустыни». Страна с такими ресурсами… Простой народ бедный. Главное – народ, народ – это и есть главное вооружение и богатство. Народ наш добрый, от избытка сердца говорят уста его. Слышать уметь народ свой – вот задача сегодня.

…После войны вернулись из эвакуации. Учиться продол-

жил. Бога не было ни в школе, ни в училище. Староверы-нововеры, коммунисты-демократы. Некогда было выяснять: всё нужно было строить заново из хаоса послевоенного.

А лётчик – уверенный атеист. А легенды – это для настроения, когда делать нечего. И воевали, и воюют друг против друга конфессии. А этого не должно быть, если по вере жить, – не убий. Алчные интересы толкают на войну. На нас не нападают сейчас, потому что мы сильные, вооружённые.

– На какую планету хотели бы полететь? С кем? Опять с Николаем Рукавишниковым, как на «Союзе–16»? Вы с ним были пять дней, двадцать два часа, двадцать три минуты, тридцать пять секунд, – не глядя в записную книжку, блеснул подготовкой Георгий. – На Марс хотите? – Марс. Нечего там делать! Мне девяносто лет. Земля – это и есть рай. Во всех отношениях. Не теряет атмосферу миллионы лет. Марс – потерял. Есть вода в жидком виде здесь. Беречь планету нашу надо, другой такой нет. Как соприкоснулся с этими делами. Десять дней на орбите был в 1969-м и в 1974-м, – прикрыл глаза: искры с кулак – схождение огня.

– С какими делами? Простите. С космосом?

– Пришло ощущение другое. Стал агностиком. Поменял мировоззрение. Высший разум есть. Из хаоса как возникнет гармония? Чудо! А ведь у каждой планеты своя орбита. Даже у планеты Воронеж, всего лишь восемь километров в диаметре, а и у этой крохи есть своя орбита. Она в

ста шестидесяти миллионах километров от Земли. Номер её 4519. Открыл Николай Черныхов из Крымской обсерватории в 1976 году. 18 декабря по астрономическому паспорту её день рождения.

– Детство – это память от малой родины на Воронежской земле до большой Земли из космоса? Кого читаете, Анатолий Васильевич? Кто нравился в школе?

– В школе проходили. В Острогожске, где Крамской учился. А сейчас читаю и перечитываю Толстого. «Анна Каренина» – это продолжение «Войны и мира». Чехов для меня – лёгкий жанр. Некрасов – песня, представляешь всё, видишь. А «Братья Карамазовы» – коронное произведение Достоевского!

– А тургеневские Хорь и Калиныч? Хорей развелось тьма. Простите. Вы же охотник? «Записки космонавта» напишете?

– Звонили из администрации, на награждения приглашали. А я не поехал. Сейчас главное – опыт передать, мысли, идеи. Жизнь передать. Землю сохранить. Жена умерла, а я её любил. И люблю. Как живую. Вот так и Землю любить надо. Как живую. Пронеслись годы с космической скоростью. А Земля наша единственная.

…А журналист почему-то вспомнил запах смолы голубой ели, словно читая мысли космонавта. И показалось ему, что жизнь похожа на парашютный прыжок. Как уложил парашют, как выровнял стропы, так и приземляться будешь. Вышел из двери вертолёта сам, или тебя вытолкнул инструктор.

Дёрнул за кольцо, или он сам раскрылся. И как приземляешься – это главное. Смотри, смотри, куда приземляешься!

Степная любовь

Хорошо лежать на траве. Солнце всем светит одинаково. И места под солнцем всем хватит. От травы – свежесть утренняя, от земли – сила богатырская, от неба – свет бесконечно чистый и ясный. Ночной автобус из Барселоны в Мадрид укачал. Подложила рюкзак под голову, как походную подушку, и вспомнила пасеку, донскую степь, родник.

И когда открыла глаза – поняла, что спала. Спала по-настоящему. Десять минут? Час? В парке, под самой красивой пальмой Мадрида время остановилось. На прекрасном, чистом, ухоженном газоне улыбающиеся люди, небо над головой светлое и чистое и радостная бодрость. Куда делась усталость?!

И вот он – Мадрид. Жизнь в мадридском треугольнике. Налево, направо и наискосок идут три дороги-улицы. Не квадрат, а треугольник начала улиц. Здесь другое измерение, углы острее.

Пошла навстречу восходящему мадридскому солнцу и пропала в этой красоте. Музей под открытым небом! Осколок другого мира, не славянского, не советского.

Мотоциклы – козлики рогатые и велосипеды – ослики ушастые на привязи цепной уткнулись в тротуары. А по тротуарам ножки в босоножках… Мужчин много. Больше, чем

босоножек.

Европейцев в России ещё не так много, и они, выделяясь, запоминаются. Здесь – все европейцы. Русская я одна.

Русские интердевочки думают, что всякий итальянец или испанец – неподражаем. А он просто из другого мира, нам незнакомого. Здесь каждый – иностранец. А я одна.

Гоняюсь за автобусом-миражом. Устала. Тур-автобус проезжает мимо. Зашла в кафе. Хочу пить. Говорю бармену по-английски. Бармен – испанец-патриот, говорит только по-испански. Если он не даст пить, я умру тут, у стойки с десятками напитков. По-английски говорит один из посетителей – Игнасио. Игнасио переводит. Приносят апельсиновый сок со льдом. Жар переходит в кусочки льда и растворяется. Хорошо. Сок со льдом – это правило. Если ты хочешь безо льда, то надо об этом предупредить бармена сразу. Тают льдинки, тают. Лёгкая музыка витает. Игнасио улыбается. Я из России. Он улыбается, оплачивает апельсиновый сок. Говорю спасибо. Он тронут моим «спасибо». Я в Мадриде могу быть только один день. О! Где ваш отель? В Барселоне. О!

Вышли. Идём, говорим по-английски. Ловим тур-автобус.

Набила себе шишку: шла за Игнасио и смотрела на мелькнувший тур-автобус. Стукнулась о вывеску головой.

Игнасио останавливает весёлый солнечный туристический автобус, объясняет гиду, где мне выйти. Я хочу видеть только самые красивые места в Мадриде. Я поднимаюсь на ступеньку, на вторую… И оглядываюсь. Игнасио пишет что-

то. А автобус стоит, не трогается. Игнасио протягивает лист бумаги. Лист в моей руке. Автобус стоит. Игнасио улыбается. Автобус медленно проплывает мимо кафе, где тают кусочки льда в апельсиновом соке. Игнасио машет рукой.

На открытом верхнем этаже тур-автобуса – жёлтые аккуратные кепочки японцев.

Читаю листочек. На листочке – цифры. Номер телефона? О! Игнасио! Тебя уже не видно из окна. Где ты, Игнасио?!

Эта езда под раскалённым небом что-то перетопила во мне. Я не желаю расставаться с этой красотой.

А вот и королевский дворец. Выхожу. Выходят японцы в жёлтых кепочках.

Ходила с японцами за их гидом. И понимала. «Это Мадрид». Здесь понятно всё: и испанский, и английский, и французский, и итальянский, и японский. Только русский никто не знает. Увы! У русских интеллигентов денег нет. У меня тоже денег нет. Эти песеты, франки, доллары – просто фишки, которые дали мне, чтобы сыграть один раз. Я играю. Мне их не жалко: ни доллары, ни франки, ни песеты…

Как красив рельеф гор из мансарды королевской! Какая неповторимая волна линии!

Простому человеку здесь можно затеряться или исчезнуть.

– Я хочу экскурсию с русской группой, – говорю по-английски.

– Русских групп нет.

– Почему?

– Нет туристов из России.

И с каким-то участливым пониманием испанка глядит на меня, на русскую.

Вспомнился Петродворец… Петроград. Ленинград. Когда Сенатская площадь – это был Санкт-Петербург… Революция разрушила и дворцы, и хижины. Неблагополучная история. Как остановить разрушение?! Здесь и сейчас царь царствует. Ничто не разрушается. Здесь красота вечна, как горы Пиренеи или Средиземное море.

Кто они? Испанцы, которые вернули себе короля, которые живут в городе-лабиринте, городе-улье из старых шоколадно-кофейных сот готики. Какая продуманная красота архитектуры!

Я не могу и не хочу отсюда никуда уходить.

Это не истерика, это прочувствованная красота. Это желание жить в красоте. Это мечта.

Здесь всё красиво. Всё! И люди. И город. И деревья. И дома. И солнце другое. Оно белое. Без пятен и без оттенков желтизны.

Японцы из музея выходят в одинаковых зелёных и жёлтых сандалиях.

Мадридский двор с бронзово-пепельными львами, рыкающими водопроводным водопадом. А там, у нас – Сенатская площадь со шпилем в холодном небе Санкт-Петербурга. Идея вытянулась в Александрийский шпиль. Холодный

шпиль в холодном небе. Как скромны деревца возле Сенатской площади, а перед Мадридским двором – оазис.

Шумит мадридский водопад из трубы под ногами пепельного льва.

Веера пальм, шоколадность магнолий, плакучесть платанов. На бархатной зелёной лужайке парочка – он и она. Целуются бесстрастно. Он и она. Смотришь и ничего не чувствуешь. Если целуются в России, всех это будоражит, тревожит, обижает… Волнует. Все возмущаются.

Целуются лёжа. Он на траве, она на нём. Нет. Перекатились. Девушка на зелёном бархате живых стебельков травы.

Обнимаются. Как дети, без стыдливости. Сумасшедшая свобода! Так естественно на траве им, что нет в этом ни неловкости, ни стыда.

Любовники на траве… Перед монаршим дворцом. Полисмен притормозил свой лимузин, игриво-строгим голосом окликнул парня. Медленно едет.

Оглянулись на полисмена, на машину. Отстранились друг от друга, но с травы не встали. Голос из машины повторился. Машина остановилась. Девушка приподнялась и села. Опять голос. Парень нехотя поднимается и встаёт из тени.

Все улыбаются: и полисмены, и парочка, и просто прохожие-туристы. Солнце заглянуло в зеркало машины и уехало. Тень под пальмой осталась.

Небо пепельно-голубое, с накипью по краям горизонта. Блестящий, светящийся поток каскадом падает с домов на

гравий.

А солнце в Мадриде улыбается? Да! И солнце тут улыбается.

Мужчина прячется в тени стриженной под бочонок туи. В тени горячего гранита – девушка опустила ноги в бассейн. Итальянка?

Вода мерцает и дрожит от света солнца. И выгорает, как лампадное масло.

Я ложусь на траву. Я закрываю глаза. А в глазах белое солнце Мадрида.

Нет. Мне ничего не жаль. Ни прошлого, ни будущего. Есть только это солнце настоящего. Мне и себя не жаль.

Под белым солнцем листья дают другую тень. Спасительную. Тень, в которой можно отдохнуть. Тень, которая не омрачает. Тень как отдых. Тень, которая оберегает… Он оберегает меня? Он любит? Как ни странно, но мне порой было хорошо с ним. Зачем он хочет, чтобы я любила его? Любить – значит страдать? Охотник ищет дичь. Нашёл? Если охотник отпустит выслеженного зверя – это не охотник. Зачем я думаю о нём? Он – это вчера. То, что было, – это уже не моё. Это ушло на Суд Божий. Надо отдохнуть от вчерашнего.

* * *

Вы были в Мадриде на улице, по которой поднимается

солнце? Что вы видели? Солнце или город?

Белое солнце рождает волшебную красоту. Сказку. От красоты тоже может быть шок. Красота города! Готика! Сказки тысячи и одной ночи.

А она вспоминала то ли сон, то ли явь. Любовь – это мираж, который мы сами себе придумываем?

* * *

И был день яркий, солнечный, который не забывается.

Утреннее солнце ласково, играет ветер листьями. Кружатся и жужжат пчёлы над пасекой. Девушка выбралась из палатки и босиком побежала по росе. Цветы кланяются и земле, и небу… Кто создал эту красоту?..

Около ещё влажной от росы палатки стоит мольберт с незаконченным пейзажем. Художник что-то шепчет пред картиной, точно в молитве. Он хочет запечатлеть это утро, степь и преображение или пробуждение своей Флоры.

Словно на безмятежных библейских пастбищах, усыпанных цветами коломбины, орёл мирно парит над степью. Быть может, к нему придёт озарение, и он напишет свой «Портрет женщины в образе Флоры», подобный тому, что оставил нам неизвестный мастер кисти из Академии Леонардо да Винчи. Вот художник, нанося краски на холст, представляет, как безумная Офелия, предлагая брату цветок коломбины, призывает его не ожесточаться сердцем. Зрительно он воскре-

шает всё – и «Флору» Мельци, написанную пять столетий назад.

Солнце заиграло по росе, и стало на земле, как на небе. «Ты, росянка-россиянка», – шепчет художник.

Девушка подошла к мольберту и садится в позе Флоры. Она – модель, сидит, не шевелясь, следит за стрекозой, кружащей над степной розой-татарником. Бабочка вспархивает и вот, слившись с другой, замерла в сладко-сонном оцепенении. Изумрудными колкими листьями, как корсетом, обтянут стебель. Листья пеленают стебель красноватым узором. У бутона стебель гладкий, с другой стороны – листочек в мелких колючках. Десяток вооружённых листьев-шипов, маленькие гренадеры, защищают бутон.

Но разведчица-пчела забралась внутрь, в сердцевину, к тычинкам. Слегка раскрывшаяся сердцевина вздрогнула, цветок и пчела стали одним целым. Ближе к бутону шипы превращаются в лепестки, а колючка – в розу. И цветок-царь поднимает степь выше, выше. Как раскрыться, явить миру талант?

Ветер раскачивает зелёные мышиные хвостики подорожника исцеляющего. Порыв становится сильнее. Курится медвяный дух, солнце чистое воссияло. Орёл кружит ниже. И вдруг, как камень, рухнул за добычей.

– Росянка! – художник слегка повернул голову натурщицы. – Ты такая! В тебе – натура, природа, лёгкое дыхание. –

Он протягивает ей колючие цветы.

– Пётр, зачем чертополох писать?

– Это роза, степная. Помнишь «Утро над Днепром» Куинджи?

– Я ему не позировала, – с ленивой негой потягивается натурщица. – Я с ним не выезжала на натуру. Не веришь?

– Ты кто вообще-то? – усмехнулся, любуясь ею. – Подруга художника ты или современное дитё из интернета?

А она, как девочка простая, разглядывает, как два шершня в золотисто-чёрных мантиях застыли, словно одно длинное бархатное тело: две головы с чёрными крапинками вместо глаз. А художник вспоминает картины старых мастеров: женщина как будто держит невидимого ребёнка, Дитя, которое рождено спасти мир? Мир красоты – вот здесь начало начал. Пётр, который с Иисусом рядом… Свет и тень прошлого. Свет в проборе густых, тёмных, как ночь, волос. Линия бровей изящна. Румянец на щеках и алость губ. Рядом с этой женщиной нельзя никого расположить: она вбирает всё пространство улыбкой…

…К вечеру ветер стал ниже гнуть, рвать и трепать цветы.

– Ветер балует к дождю, – залез в палатку Пётр. – Флора, отгадай, что у меня?

– Я – Флора? – восторженно смотрит она на художника и трогает, словно ласкает, длинный колосок, усыпанный мелкими пурпурными цветами. Художник научил её видеть и

смешивать краски.

– Эх ты! Русичи считали, что вербена приносит счастье. – Пётр потёр траву в ладонях и насыпал в её горячую ладошку. – Чем пахнет?

– Мёдом.

– «…Женщиной в образе Флоры». Или Коломбиной.

– Растением?

– Олицетворяющим семь добродетелей? На картинах старых фламандских мастеров с семью лепестками, а у цветка пять лепестков! Удивительно?

– Ветер нашу палатку не снесёт? – волновалась девушка.

– Ветер, ветер, ты могуч, дай нам силу-силищу…

В палатке пахнет медуницей и мятой…

Он проснулся. Вышел. Костёр долго не разгорался.

Мерцающий ночной огонь ворожил: «Бог огня пустил огненные стрелы и огненный ветер. Пусть уйдут страх и ужас. И бог огня вернул бога любви на землю. И сошёл огонь, словно родил всё заново».

Ночь. Трава иссиня-чёрная…

Пчёлы в ульях жужжат, вещают: «Богиня любви упала с неба. Но её никто не мог видеть, только художник. Тогда за ним вослед она пустила огненные стрелы. И огненные стрелы пустила она вослед за ней».

– Богиня любви разбилась, как гранёные стаканчики? – засмеялся он, глядя на свою женщину-лютик, и подумал: «А возможно ли с помощью огня осознать истину?»

Светает, преображается чёрная степь. Играет солнце. Костёр бледнеет и гаснет. Свет словно музыка, несущаяся от горизонта.

Художник шепчет, словно во сне:

– Магический папоротник над головкой. Преданный плющ пред ликом. И непорочный жасмин. Светлые анемоны, на коленях волны шёлка, аквилегии цветок на плече, как голубь.

– А аквилегия твоя – это лютик! – как горлинка, засмеялась натурщица и затараторила, как сорока.

– Коломбина, аквилегия, водосбор, орлик… Да, это лютики. Но какие! В Англии и на американском континенте их зовут коломбина. А знаешь, что означает? Голубушка, голубка. У нас названия «голубка» нет, и это тоже лютик. А древние германцы называли цветки туфельками эльфов.

– Туфельками? – рассмеялась она, подняв свою босую красивую ножку. – А мне бы подошли туфельки эльфов?

– Кельтские племена считали, что эльфы – это лесные человечки.

– Лешие, что ли? Флора у Фрола украла кораллы… – веселилась она, сама не зная чему. – Пётр, поваляйся в траве – счастливым будешь! Так наши предки считали… Счастье в росе, в Рассее…

И натурщица встала, и точно образ отделился от полотна, и пошла босиком по росистой траве. А художник видит: вот она в воздушном сарафане, словно андалузянка с картины

Карла Штейбена, обрывает лепестки ромашки.

И художник соединял свою Флору с мифологической, что на холсте старых мастеров в пышных розах, царственных лилиях и нарциссах. Пётр почувствовал, как колотится сердце, а рука набрасывала краски и клала точные мазки: пришло понимание, что он нашёл образ своей степной Флоры.

– Сердце сейчас разорвёт мою грудь – такое вдохновение… – шептал художник в экстазе, ему казалось, что он приблизился к истине красоты. – Подожди! Ещё мгновение… Не уходи!

Брачный венок Гименея художник изобразил из полевых донских цветов, свободных, как ветер. Сам художник – это цветок. Он бы и не смог творить, если бы не был цветком.

– Поэт сказал: чтобы написать цветок, надо стать цветком.

А пчела, нетерпеливо жужжа, словно ища кого-то, летала вокруг пасеки, потом поднялась над мольбертом и полетела в свою пчелиную семью.

* * *

Каждая семья счастлива по-своему. А несчастливые все одинаково серые, унылые и потухшие, как костёр под дождём.

Самолёт набрал высоту – тысяча метров. Теперь надо встать, подойти к открытому люку и сделать шаг.

Ветер, ветер, на всём небе. Волосы закрывают глаза, об-

виваются вокруг шеи. Девушка руками и ногами упёрлась в холодный металл. Инструктор нагнул её голову и толкнул в спину. Жуткий звериный вопль, заглушив рёв мотора, ворвался в салон, где двумя рядами, глядя друг на друга, сидели наготове парашютисты.

Изо дня в день инструктор объяснял: как выходить из самолёта, что делать, если подхватит восходящий поток; как правильно принять за площадку приземления водоём; как натянуть стропы и отклониться от высоковольтных проводов, чтобы не повиснуть серой глупой вороной.

Маленькая голубоглазая женщина выходила третьей. Боясь, что страх настигнет раньше, пока она будет идти по качающемуся салону, вдруг стремительно рванулась к двери. И не успела испугаться. Страх не догнал. Небо?! Она в свободном падении: 266, 267, 268. Просчитала и… дёрнула за кольцо парашюта. Её встряхнуло таким динамическим ударом, что если и был страх, то его вытряхнуло, как пыль. И вдруг завертелась под куполом, закружилась. Что это? На миг остановилась, казалось, только для того, чтобы с ещё большей скоростью завертеться. «Так будет до конца?» – было второй мыслью. Перехлёст строп? Или восходящий поток? Вокруг было небо: внизу, вверху и по всем четырём сторонам. Ощущение неизвестности не пугало, оно влекло, как притяжение земли. У некоторых женщин тысячи прыжков… И страх для них – пыль. Приземлились, стряхнули пыль – и на новый прыжок. Но это был прыжок первый! Самый яркий, запоми-

нающийся, стремительный! Собственно, не о прыжках с самолёта речь, в этом лишь сравнение или метафора, которая поможет рассказать главное, что можно раскрыть только на исповеди.

Кто из нас не наблюдал, как мужчины, устраивая громкие споры, собирают вокруг себя прохожих, но редкая женщина остановится возле них. Кто больше потрудился над увеличением дистанции между женщиной и мужчиной – природа или исторический опыт социума? Скала непонимания… Роды, беременность, зачатие, кормление ребёнка. Первые толчки младенца, который ещё не рождён… Это была вторая беременность… Маленькая женщина узнала об этом раньше врача, сразу, в момент зачатия. Она знала этот день.

«Нам нельзя сегодня быть вместе», – подумала она.

– Ничего, – он лаской расслаблял её, словно усыпляя.

– Может появиться лялька, если мы будем так, – она ещё сопротивлялась, но воля предательски покидала её в этот ужасный и сладкий миг.

Любовь такая же разная, как листочки на деревьях, как паутинки отпечатков пальцев. Потом она поймёт эту всепобеждающую слабость. Любящая женщина, как ребёнок, беспомощная и доверчивая. Она, вопреки всему опыту своей жизни, не могла противиться любви. И не могла выйти из-под его воли.

– Я понимаю по-русски. Я буду осторожен. Открой глаза! Ты видишь, кто перед тобой?

Один француз рассказывал, что у его жены был любовник-мусульманин, что он на «нет» кивал головой, а на «да» упрямо качал из стороны в сторону. Все мужчины – мусульмане. Разве мы или они виноваты в том, что между нами непосильная разуму человеческому дистанция? В одни мгновения женщина – рабыня, в другие – Богоматерь. Если бы выполнялась только одна заповедь, на земле войн бы не было… Но это всё мужская философия, женское дело – подробности деталей, мелкая вышивка узора.

Когда подтвердилась беременность, беспокойство охватило её, она положила будущему отцу ребёнка в записную книжку небольшой календарь с изображением иконы Казанской Божьей Матери. И сама пошла в церковь. Она хотела услышать что-то важное, решающее для себя. Но за два человека до неё священник прекратил исповедь, видимо, нужно было прийти раньше. Если бы выполнялась только одна заповедь – на Земле был бы рай.

Они жили в Москве временно, ничего нет вне времени. Но природа воспротивилась, и она как будто забыла о смене осени зимою, наивно веруя, что мгновение остановится. «Оставляете ребёнка?» – снимала перчатки врач. Ужасающий в своей обыденности вопрос. Состояние беременности – как идея бессмертия. Словно за девять месяцев суждено прожить сжатый до невозможности отрезок времени длиною в прежнюю жизнь. События сжимались, словно несла куда-то сверхземная скорость. И как бороться с тем, от кого

зависит всё, от кого зачала ребёнка? Кто внушил ей, что одна она не выдержит ни беременности, ни родов? Она убеждала его, что у них будет сын. Он говорил, что он не Руссо. А при чём тут Руссо? Говорят, что он оставлял своих детей в разных приютах на воспитание. И Марина Цветаева потеряла дочь в приюте. Девочка умерла от голода. Что же происходит со страной, где дети страдают в приютах? А женщины хотят рожать, но боятся, что их дети умрут от голода?! Убей в себе самой ребёнка, и тогда тебя будут любить. Здесь вам не старуха-процентщица, которую Родион Раскольников убил ради идеи всеобщего братства и равенства. Здесь нет никакой идеи справедливости, здесь только одна любовь: «Если ты сделаешь аборт, я женюсь на тебе». И женится. А она, бедняжка, рада до смерти, и про аборт свой и думать, и страдать забыла. Он уж и бьёт её, и ругает… И вот уже она смирилась. Всё стерпит душа русской бабы, лишь бы замужем быть. Что? Насмешки больнее побоев? Потом эти интердевочки… Они родились от смиренной русской бабы, которую били и пугали побоями. Теперь эти дочки, эти интердевочки так крутят своими мужиками. Ух! Пыль и перья! Где уж бывшим амазонкам?! Правая грудь выжжена. Копьё в руке. И вот уже один спился, другой разбился, третий не то зверя хотел на охоте убить, не то сам в себя по замыслу стрельнул… Тут не леди Макбет Мценского уезда, тут русские интердевочки, тут диалог идёт на всех европейских языках. Здесь не идея, здесь всего-то лишь идейка убеждённого холостя-

ка сработала. «Я не могу остаться здесь, я должен ехать домой». Здесь любовь к Родине. «Ты знаешь, мне надо будет ехать через девять месяцев. Я не смогу полюбить эту страну заново, я зря приехал. Если будет ребёнок, надо будет ехать вместе. Там война». Она переживала войну вместе с ним и согласна была ехать на войну, в Сибирь, в открытый океан.

Динамический удар был достаточно силён – женщина открыла голубые, как небо, глаза. Теперь она болталась в подвесной системе на плохо затянутых лямках и кружилась над землёй в высоте чуть меньше тысячи метров. Чёртов парашют! Но вот вертушка стала затихать. Небо и земля слились в тишине. Золото осени плавится в огненном закате. Она плывёт по ярко-синему небу. Птица? Нет, она как маленькое белое облачко. Внизу, в чистом воздухе осени, – разноцветные кубики полей, зелёно-голубая лента реки. Настоящий полёт – это когда тихо кругом, не ревёт, не стонет мотор. Тихая, чистая красота, словно мир не сотворён, словно всё это на картине и греха не познали люди.

Вторую беременность она переживала как первую. На то, что вздрагивало, шевелилось и затихало под сердцем, она смотрела как на живого ребёнка, который там, далеко внутри неё, спрятан от всех.

«А может, он садист? – усомнилась в его страстной любви подруга беременной женщины. – Рожай для себя, – подумала как врач. – Ты пропустила все сроки. Теперь этого делать нельзя…» Но на всякий случай достала ей справку о необ-

ходимости аборта по медицинским показаниям.

В самый последний момент каждый остаётся наедине со своей памятью, со своей волей, со своей свободой, со своей совестью. И был вечер. Их было два человека в палате: юная высокая девушка и женщина с голубыми глазами. Каждый хотел, чтобы эта операция прошла побыстрей. «Вам будут делать заливку завтра, – пообещала акушерка старшей женщине. – Мы сделаем. Мы обязаны это сделать».

А утром УЗИ. «Мальчик!» – встревоженная радость последней надежды. Две женщины встретились глазами у компьютера. «Ну что вы, с голода умрёте, на кусок хлеба, что ли, не заработаете?» Пациентка закрыла глаза и молчала. И был день. Кресло операционной как эшафот. «Хорошие воды», – анализировала акушерка. Она не знала, что чувствовала женщина, когда огромным шприцом из неё вытягивали то, что сохраняло жизнь ребёнку, и вводили раствор, известный только посвящённым медикам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.